

МАРГАРЕТ

ДЖОРДЖ

*Последний танец
Марии Стюарт*

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Маргарет Джордж
Последний танец Марии Стюарт
Серия «Мария Стюарт», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11825079

Джордж, Маргарет. Последний танец Марии Стюарт: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82952-1

Аннотация

Еще не засохла кровь на острие кинжала, которым заговорщики убили мужа Марии Стюарт, лорда Дарнли, но королева уже готовится к новому браку. Удачная партия могла бы помочь ей заручиться поддержкой шотландской знати, но Мария вновь выбирает любовь, а не выгоду, и это в конечном счете приводит к скандалу.

Отречение от престола, бегство в Англию, суд... Мария Стюарт в отчаянии, но она готова сделать свой последний ход и либо вернуть власть, либо потерять все, что у нее осталось. Даже собственную жизнь.

Содержание

Пролог	8
I	10
II	31
Королева в изгнании	49
III	49
IV	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Маргарет Джордж Последний танец Марии Стюарт

Скотту Джорджу

1920–1989

Любимому отцу, другу и учителю

Margaret George

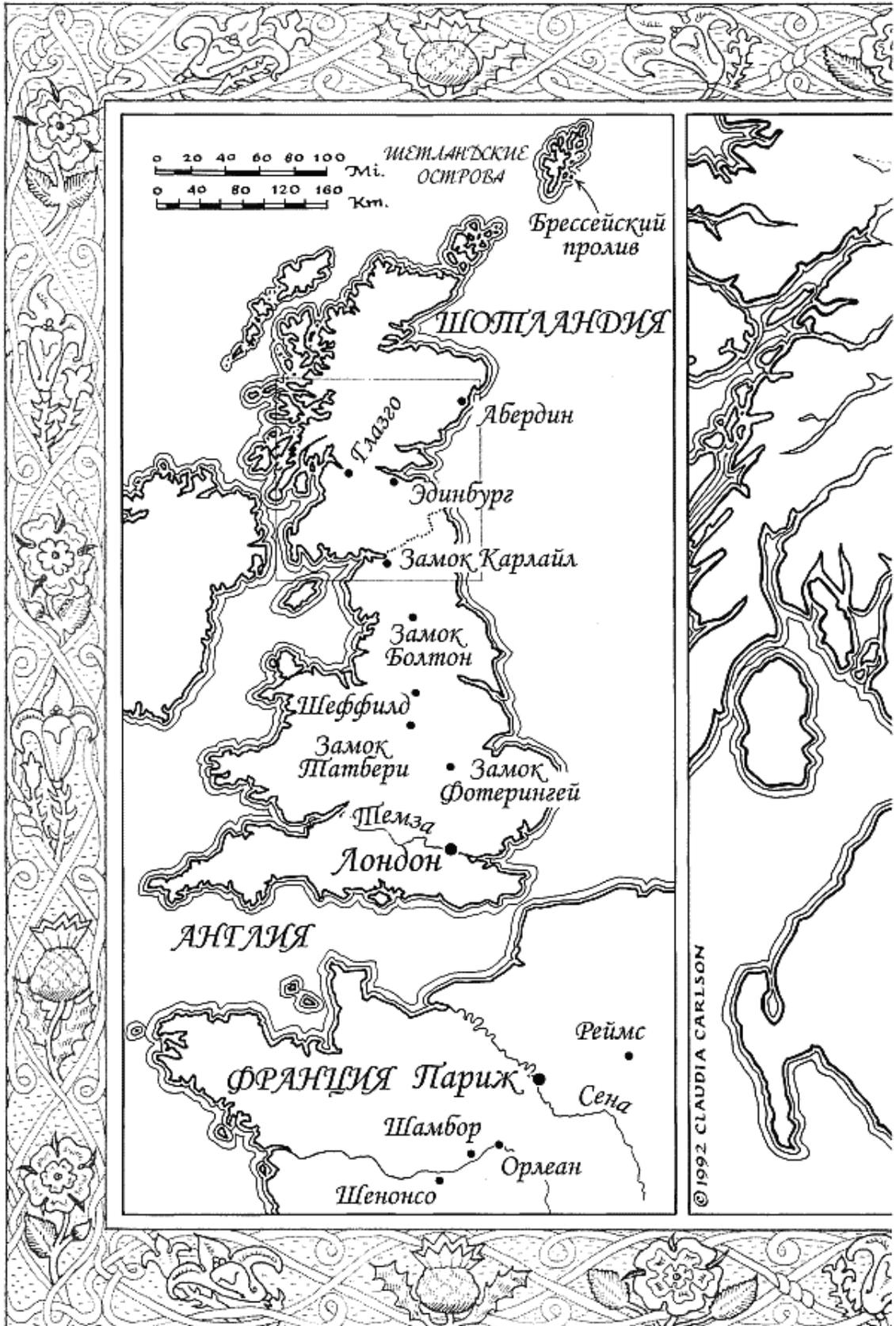
Mary Queen of Scotland and the Isles

Copyright © 1992 by Margaret George

© Савельев К., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»»,

2015

Пролог

Мария Стюарт стояла на коленях перед распятием, но почему-то именно сегодня она не могла сосредоточиться на молитве. Нужные слова никак не шли, мысли путались. Прошло уже почти два месяца с того момента, когда они в последний раз виделись с Босуэллом, и почти столько же с того дня, как ее насильно увезли в Лохлевен – мощный замок на острове посреди глубокого и штормистого озера, которым владела леди Дуглас со своими многочисленными отпрысками. Кроме своего любимого сына лорда Джеймса, леди Дуглас имела семь дочерей и троих сыновей. А Линдсей и Рутвен, одни из основных виновников ее нынешнего заточения и участников заговора, которые когда-то прямо у нее на глазах так жестоко расправились с ее личным секретарем и, по сути, единственным другом Риччио, также состояли в тесном родстве с Дугласами.

Ее заключение в некотором роде являло собой надежную фамильную тюрьму, где все тюремщики были связаны узами родства и взаимной верности, поэтому в замке все время приходилось соблюдать осторожность: если не считать ее верных слуг, ее повсюду окружали враги.

Мария подошла к окну и взгляделась в даль, где поблескивала гладкая поверхность озера. Она размышляла, какой странной эта ситуация показалась бы ей всего два года назад. Она приезжала сюда раньше; они останавливались здесь с Дарнли перед свадьбой и охотились в окрестных холмах, а вечером возвращались на гребной лодке в свое убежище на острове. «Воплощенная мечта для невесты превратилась в воплощенную мечту для тюремщика», – в который раз подумала она. Теперь, когда Дарнли был мертв, а ее обвиняли в его убийстве, ей казалось невероятным, что она безумно любила этого человека и некогда все-таки рассчитывала на его поддержку, но который на поверку оказался тщеславным, трусливым, эгоистичным и вероломным. А она нуждалась в защите. Ситуация еще более усугубилась после убийства Риччио, в смерти которого был повинен Дарнли. Это обстоятельство, собственно, и вынудило ее в свое время в поисках опоры обратить внимание на графа Босуэлла. И как бы иронично это ни звучало, именно в день смерти Дарнли и начались ее настоящие злоключения, и, когда они закончатся, было неизвестно. Казалось, что, даже будучи мертвым, он продолжает плести против нее интриги и сеять в душах ее подданных сомнения. Выходя замуж за Босуэлла, Мария прекрасно сознавала, что противников их союза будет гораздо больше, чем когда два года назад она собиралась замуж за Дарнли.

Вдруг она вспомнила, как прочитала в одной из книг, что свобода может ничего не значить, если за ней тенью следуют голод и холод. Даже в этом замкнутом мире она чувствовала себя в некотором смысле в безопасности, к тому же пока у нее оставалась надежда на то, что Босуэлл что-то придумает и они снова будут вместе.

Хотя за последнее время Мария уже давно перестала чему-либо удивляться, ибо как объяснить тот факт, что она оказалась заложницей в собственной стране, решение о возвращении в которую далось ей с таким трудом! А ведь с того момента минуло всего несколько лет. Вдруг у нее возникла другая мысль: возможно, не стоило сюда приезжать. Да, в этой стране она родилась, здесь родился ее отец король Яков V... Но какие надежды она могла возлагать на это, если в памяти не возникали ни годы, проведенные здесь, ни даже люди, окружавшие ее в детстве. В ее воспоминаниях это по-прежнему было белым пятном. В этот хмурый день существовала и другая причина ее нерешительности, поскольку, набравшись смелости приехать сюда, ей пришлось собирать в памяти кусочки и обрывки легенд, которые она слышала, живя при французском дворе.

И теперь, в волнении стоя перед окном, она начинала спрашивать себя, не потерпели ли крах ее ожидания. Но когда-то она сумела побороть эти страхи. Было множество вопросов,

которые требовали ответов, ведь когда-то, еще во Франции, после смерти ее первого мужа Франциска, ей казалось, что нищая, разоренная войнами Шотландия – все же единственное место, где она может заявить свои права на прошлое прежде, чем вступать в будущее. Ведь с первой минуты своей жизни она стала ставкой в дипломатической игре. Неудобным человеком, который не вписывался в окружающую обстановку и разрушал аккуратно выстроенные планы других людей.

Она родилась девочкой, в то время как ее отец жаждал иметь наследника мужского пола. Она стала принцессой, когда королевство нуждалось в принце. В ее жилах текла французская кровь, и она получила французское воспитание, что делало ее чужестранкой в королевстве, где ей предстояло править, и ненавистной для своего народа, так же, как ее мать Мария де Гиз. В стране, где, с одной стороны, властвовала Реформация, возглавляемая Джоном Ноксом, а с другой – вел свою игру ее сводный брат Джеймс. Она была единственной в мире католической королевой в протестантской стране. По своему полу, воспитанию и религии она не вписывалась в обычаи своего народа. Однако от этих трех вещей нельзя было отречься. Они составляли саму ее суть. Она пыталась компенсировать эти недостатки брачными союзами, но один оказался слишком слабым, а другой – слишком сильным. Она была миролюбивой королевой в стране, где уважали только силу.

Но как бы то ни было, она поклялась себе, что подождет еще и посмотрит, как будут развиваться события, а уже потом решит, как к ним относиться и что делать дальше. Чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, она решила прогуляться к причалу. Кроме того, сегодня должен был приехать Джордж Дуглас, единственный из рода Дуглас, кто относился к ней с симпатией и почти нескрываемым восхищением.

I

Мария стояла у причала, ожидая возвращения Джорджа Дугласа. Она знала, что ему приятно видеть ее здесь, облаченную в плащ с капюшоном, и это давало ей повод стоять у края воды, не вызывая опасений у стражников. Ей нравилось смотреть на воду, когда ветер нагонял рябь, или наблюдать за бегущими отражениями солнца и облаков. Теперь, когда осень вступила в свои права, озеро казалось туманным водоворотом, словно сон, исчезающий при пробуждении.

Ее стража постепенно утратила бдительность, но ей по-прежнему не разрешали самостоятельно покидать пределы замка. Марии позволяли стоять у причала лишь потому, что могли наблюдать за ней от главных ворот.

Распорядок службы был неизменным. Солдаты – гарнизон на острове насчитывал около шестидесяти человек – охраняли стены и единственные ворота. Они оставляли свои посты только во время короткого перерыва на ужин, когда все собирались в главном зале. Тогда ворота запирали, а ключи клали рядом с тарелкой сэра Уильяма до окончания ужина. Таким образом, они всегда оставались на виду.

Мария со своими слугами по-прежнему располагалась в квадратной башне, и две женщины из семьи Дуглас спали вместе с ними. Насколько они знали, Мария не отправляла и не получала письма, и единственным источником новостей для нее было то, что они ей рассказывали с разрешения лорда Джеймса. На самом деле молодой Джордж, возмущенный таким обращением с ней, выполнял роль ее связного с внешним миром. Из соображений безопасности она писала очень редко, но он держал ее в курсе событий, происходивших в Эдинбурге и других местах.

Милый Джордж! Иногда она думала, что это дар судьбы, поскольку не могла найти другого объяснения. Он был таким человеком, каким она раньше представляла Дарнли: храбрым, честным и невинным. Теперь он служил ей единственным утешением, сообщал последние новости, относился к ней как к женщине, достойной любви и уважения, когда весь остальной мир называл ее шлюхой и убийцей и заочно осуждал ее.

Мария пыталась нащупать тонкую грань между признательностью за поддержку Джорджа и поощрением его чувств. Теперь она знала гораздо больше, чем раньше; Босуэлл научил ее понимать собственные желания, и в этой новой жизни оказалось трудно скрывать их. Она больше не была девственницей, беззаботно танцевавшей с Шателаром, а потом удивлявшейся его бурной реакции, легкомысленной королевой, которой нравилось прикасаться к людям и шепотом делиться с ними своими секретами, беспечной госпожой, допоздна засиживающейся в обществе Риччио и не видевшей в этом ничего необычного. Тогда ее тело казалось безобидной вещью, на которую можно было не обращать внимания; теперь оно выглядело самостоятельным и опасным существом, способным говорить на своем языке без ее ведома и разрешения. Возможно, оно делало это с самого начала, и другие откликнулись на его зов, хотя Мария оставалась глуха к самой себе.

По ночам она часто лежала без сна, переживая моменты, когда она нежилась в объятиях Босуэлла, и пытаясь вспомнить каждую подробность. Она негодовала на себя, когда ее мысли путались, а образы оставались смутными. В снах он иногда приходил к ней, и там она с удивительной ясностью переживала все, что происходило между ними. Она просыпалась вся в поту, с сильно бьющимся сердцем и долго сидела, тяжело дыша и пытаясь успокоиться. Потом она слышала храп женщин в соседней спальне, плеск воды у стен замка и тихо плакала от разочарования.

По мере того как силы возвращались к ней, образ Босуэлла становился все более четким, а не растворялся в тумане прошлого, как надеялись ее враги. Она никогда не упоминала

о нем в разговорах с ними, отчасти потому, что не хотела осквернять его имя, а отчасти для того, чтобы ввести их в заблуждение. Если они будут думать, что она забыла о нем, то, возможно, не станут так настойчиво преследовать его.

Но где он? Мария ничего не слышала о нем с тех пор, как лорд Джеймс сообщил ей об эскадре, которую он отправил, чтобы захватить Босуэлла на Оркнейских островах. Где же он, где?

Какое-то время в ее снах он брал приступом замок, освобождал ее и увозил прочь. Но уже довольно давно она поняла, что должна сама как-то устроить свой побег, а потом найти его. Джордж Дуглас был единственной смутной надеждой на спасение. Однако она заботилась о его безопасности и не хотела навлекать неприятности на его голову. Члены его семьи уже пристально наблюдали за ним после того, как получили предупреждение от лорда Джеймса.

Приближалась лодка, Мария видела, как она покачивается на воде. Джордж возвращался из Эдинбурга, куда он отправился по требованию отца, чтобы посоветоваться со своим могущественным старшим братом, который теперь стал регентом Шотландии. Она надеялась, что он пробудет там достаточно долго, ибо должен был встретиться с английским или французским послом.

Лодка подошла к причалу, и Мария стала терпеливо дожидаться возможности обменяться приветствиями с Джорджем. Солдаты наблюдали за ней и могли заметить их дружеское отношение друг к другу. Поэтому он просто кивнул ей, когда проходил мимо, и прошептал: «Возле дуба». Как послушный сын, он доложит о визите своим родителям, поест вместе с ними, выпьет вина и только потом встретится с ней. Дуб был огромным деревом, растущим за стеной неподалеку от круглой башни. Солдаты почти не смотрели туда, потому что рядом не было лодочного причала.

В сумерках Джордж подошел к воротам вместе с Марией, небрежно бросил стражнику: «Все в порядке, Джо», – и вышел наружу. Они медленно пошли вокруг замка, держась близко к стене: вода начиналась в десяти футах от них, – и приблизились к большому валуну у подножия дуба. Сидя на валуне, они находились под укрытием мощных ветвей, покрытых желтеющими листьями, которые уже начинали опадать.

– Рассказывайте, Джордж! – попросила она. – Лорд Джеймс здоров?

«На самом деле я не желаю ему здоровья, – подумала она, – но, в конце концов, они с Джорджем братья».

Он широко улыбнулся:

– Да, вполне. Он стал очень бодрым и энергичным после того, как занял пост регента.

– Он давно стремился к этому, – сказала она прежде, чем успела остановиться. – Несомненно, он уже много раз представлял себя в этой роли.

– По правде говоря, все тихо. Город приходит в себя и возвращается к нормальной жизни, как и лорды Конгрегации. Я слышал, в декабре они собираются созвать парламент и объявить о своих планах. Но пока что никто не шевелится; даже Нокс помалкивает, что необычно для него.

– Он устал разжигать страсти, чтобы добиться моего смещения с трона. Даже клеветникам время от времени нужен отдых. – Она посмотрела на чистый юношеский профиль Джорджа, пока он глядел на озеро, прищурился. О, почему Дарнли только внешне походил на него? – Но что с моим сыном? Что с Джеймсом?

– Он по-прежнему в Стирлинге; говорят, он здоров и даже начал ходить.

– Бедный ребенок! – промолвила она. – Остается лишь гадать, каким словам они учат его. – «Возможно, такие слова, как *мать*, *убийца* и *распутница* находились в верхней части

списка, над *уткой, стулом и сыром*. Ах, если бы только...» Она заставила себя отвлечься от мыслей о сыне. – Иностранные монархи признали его королем?

Джордж покачал головой:

– Королева Елизавета отказывается это делать, к немалой досаде Джейми. – Он пользовался семейным уменьшительным прозвищем для сурового регента.

Мария злорадно рассмеялась:

– Конечно, он не рассчитывал на это!

– Да, и она стоит на своем. Французы мямлят и колеблются, но напрямую не отказывают ему, как делает английская королева. Что за мужественная женщина!

– О да.

«Мужественная, но вместе с тем и непредсказуемая. Она всегда поддерживала лордов, однако теперь отказывается признать их власть», – подумала Мария, вспоминая о кольце Елизаветы, и пожалела, что рассталась с ним. Оно находилось в Эдинбурге, где она оставила свои драгоценности во время бегства.

– Как вы думаете, что бы она сделала, если бы мне удалось бежать отсюда? – небрежным тоном спросила она. «И что бы *ты* сделал в ответ на такое предложение?» Она затаила дыхание, ожидая ответа.

– Думаю, она бы помогла вам вернуться на трон, – сказал Джордж. Он так напряженно смотрел на нее, что она не могла отвести взгляд. – Но сначала, разумеется, вам нужно освободиться, а это будет нелегко. Вам нужен человек, которому вы могли бы доверять.

Момент настал. Если она ошибается, то все закончится. Но если она права, то пора раскрыть карты.

– Мне кажется, я знаю такого человека, – тихо произнесла она. – Разве нет?

Джордж помедлил, словно собираясь с духом.

– Да, – наконец ответил он. – Я сделаю, что смогу. – Внезапно он сжал руку Марии, словно пытаясь предупредить ее. – Но я единственный, кто может что-то сделать, и за мной постоянно следят. Кроме того, я не боец. Я не Босуэлл...

– Есть только один Босуэлл, – перебила она, и смысл ее слов был совершенно ясным. Она испытала такое облегчение и восторг от того, что Джордж встал на ее сторону, что не удержалась от следующего вопроса, хотя и понимала, как это опасно: – Есть ли какие-то вести о нем?

– Да. – Единственное слово повисло в воздухе. Марии вдруг показалось, что плеск воды стал нестерпимо громким. Ужасный, леденящий страх охватил ее.

– Какие вести?

– Ему удалось ускользнуть от Киркалди из Грэнджа и солдат Джейми. Был долгий морской бой, и, когда казалось, что он уже обречен, разразилась настоящая буря. Теперь говорят, что это доказательство его чародейства, что он призвал на помощь темные силы.

– Они на самом деле верят в это?

– Они боятся его, поэтому утешаются рассказами о его колдовских чарах.

– Значит, ему удалось спастись? – Это было все, что имело для нее значение.

– На какое-то время.

– Что вы имеете в виду?

– Его отнесло к берегам Норвегии, где он благополучно высадился, но там у него начались трудности с местными властями. Его арестовали и увезли в Копенгаген.

– Ох! – воскликнула она. – Когда? Почему?

– Не знаю почему, но это случилось в последний день сентября. Теперь, когда лорд Джеймс знает, где находится Босуэлл, он пытается добиться его выдачи или казни в Дании. Надо отдать должное королю Фредерику – он отказался удовлетворить оба требования. Но

король продолжает держать его под стражей. Полагаю, он хочет получить некий выкуп за Босуэлла.

Мария подавила крик, прижав руку ко рту.

– О Боже! Если бы только у меня что-то осталось. Но они все забрали – мои драгоценности, посуду и даже одежду! – Нужно было что-то придумать. – Как вы думаете, если я обращусь к королю, вы сможете передать ему письмо от меня?

– Такое письмо нельзя скрыть, мадам. Король Фредерик объявит об этом, а потом они узнают, кто передал письмо, и отошлют меня с острова.

Мария ощутила надвигающийся приступ паники:

– Но я должна помочь ему!

– Вы никак не можете этого сделать, – грустно ответил Джордж.

– Неужели никто не в силах помочь ему?! – воскликнула она. – Ни один добрый человек, которого я могла бы отблагодарить?

– Только королева Англии или Франции могли бы это сделать, но ни одна из них не согласится, – ответил Джордж.

– Нет пытки хуже, чем эта, – наконец сказала она. – Когда ты не в силах помочь любимому человеку, а только сидишь и смотришь на его страдания.

– Именно так, – отозвался Джордж, глядя на нее.

* * *

Листья опали, обнажив голые искривленные ветви; осока и камыши завяли. Тонкая корка льда выросла вокруг побережья острова, но, как и подозревала Мария, озеро не замерзло.

В холодную, отвратительную погоду количество лодок, курсировавших между островом и берегом, значительно уменьшилось. Лишь прачки совершали еженедельные визиты, забирая грязное белье и доставляя выстиранное, и рыбаки регулярно привозили свой улов, но больше никто не приходил. Лэрд шаркал по замку с грустными слезящимися глазами и постоянно кашлял. Обычно он покидал остров зимой и жил в поместье на другом берегу, но из-за своей высокопоставленной гостью он тоже превратился в пленника. Леди Дуглас жалела его и возмущенно поглядывала на Марию.

«Не стоит винить меня, мадам, – думала Мария. – Я бы с радостью освободила вас, если бы сама оказалась на свободе».

В небольшой комнате с постоянно разожженным камином при тусклом свете свечей она вышивала вместе со своими фрейлинами. Потянулись долгие дни, когда не происходило ничего особенного и самым интересным событием было сравнивать два оттенка красного цвета двух разных нитей.

Иногда они с Джорджем оставались наедине у камина: она вышивала, а он чинил упряжь и точил мечи.

– Расскажите мне историю, Джордж, – просила она, и, пока мокрый снег стучал в окна, он с улыбкой принимался повествовать о странствиях Одиссея или падении Трои. Выражение его лица становилось мечтательным, а голос – сонным и глуховатым. Мэри Сетон и Клод Нау сидели на кушетке и слушали. Джордж умел рассказывать истории так же хорошо, как Риччио исполнял песни.

Это помогало коротать темные холодные дни, с их наползающей сыростью и морозными туманами. От Босуэлла по-прежнему не приходило никаких известий.

* * *

Прежде чем они сумели разработать план действий, наступил март. Рождество прошло и ушло; для Марии оно выдалось серым и безрадостным. Лорды наконец огласили свое отношение к ней. Отбросив всякие надежды на «спасение» Марии от Босуэлла (или, скорее, от ее безумной страсти к нему, в зависимости от официальной версии событий), теперь они называли ее убийцей, как и его. Они опубликовали компрометирующие письма, которые, по их словам, доказывали, что она планировала гибель своего мужа и заманила его в Эдинбург по указанию своего любовника Босуэлла. Лорд Джеймс, как добросовестный регент, прислал в Лохлевен герольда – в соответствии со старинным шотландским обычаем, согласно которому лишение титулов и объявление вне закона любого титулованного дворянина должно было провозглашаться в присутствии монарха. Ей зачитали акт Тайного совета и сообщили, что поместья лорда Босуэлла конфискованы и частично переданы в управление Мейтленду и Мортону.

Алый плащ герольда, расшитый золотом, и знамя со львом на носу лодки были яркими пятнами посреди того тускло-серого дня, когда он прибыл на остров. Он встал перед Марией и прочитал:

«Причиной, побудившей нас взяться за оружие, захватить августейшую особу пятнадцатого июня прошлого года и удерживать оную под стражей в замке Лохлевен, послужило ужасное и постыдное убийство короля Генриха, законного мужа королевы, совершенное десятого февраля прошлого года по замыслу и наущению вышеупомянутой королевы, о чем свидетельствуют ее многочисленные письма, составленные ею и подписанные собственноручно, а затем направленные Джеймсу, графу Босуэлла, главному исполнителю вышеупомянутого убийства, а также заключение бесстыдного и неподобающего брачного союза с ним. Достоверно установлено, что она принимала тайное и деятельное участие в замысле и совершении убийства вышеупомянутого короля, ее законного мужа, осуществленного Джеймсом, графом Босуэллом, вместе с его сообщниками и соучастниками. В силу вышесказанного, она заслуживает всего, что было или будет предпринято по отношению к ней».

Выполнив свою официальную обязанность, герольд вернулся в лодку и уплыл, оставив жителей замка стоять на причале и смотреть ему вслед.

С тех пор Мария удвоила свои отчаянные попытки найти какой-нибудь способ для бегства и одновременно старалась вести себя как сломленная и покорная женщина, которая находится под тщательным наблюдением.

Она могла рассчитывать только на Джорджа, хотя его младший родственник (мог ли лэрд иметь собственного бастарда?) по имени Уильям Дуглас тоже рассматривался как возможный кандидат. Он приходил и уходил по собственному желанию, а члены семьи относились к нему как к ребенку, хотя ему было почти пятнадцать лет.

Первый план, предложенный Джорджем, заключался в попытке собрать на берегу группу роялистов: они захватят большой личный баркас лэрда, пришвартованный у его поместья, ночью приплывут к замку и возьмут его приступом с помощью Джорджа, который будет помогать им изнутри. К несчастью, лэрд услышал о возможном заговоре от неизвестных осведомителей и крепко запер баркас, приставив к нему охрану. Потом Джордж предложил устроить засаду со своими людьми – теми самыми роялистами – в руинах монастыря на заброшенном острове Святого Серфа посреди озера. Если Мария убедит лэрда и тот позво-

лит ей отправиться на соколиную охоту, то по прибытии лэрд со своими слугами столкнется с превосходящими силами противника, а Мария сможет уплыть на свободу.

Но это подразумевало множество других людей и необходимость совершить два быстрых марш-броска по воде: до острова Святого Серфа, а потом до берега. В какой-то момент Джордж решил, что будет проще спрятать Марию в большом коробе и под удобным предлогом отправить его в Кинросс.

– Нет, это глупо, – возразил молодой Уильям. – Всегда лучше полагаться на собственные ноги. Пусть королева покинет остров, замаскировавшись под кого-то другого. Это будет надежнее.

Он имел странную привычку дергать головой при разговоре, отчего казался туповатым, хотя это было совсем не так.

– Да, – задумчиво произнес Джордж. – Можно поменяться одеждой с одной из служанок. Но как она покинет остров? Ворота постоянно находятся под охраной; даже когда солдаты ужинают, между половиной восьмого и девятью вечера, их запирают на замок.

Джордж обнаружил, что все чаще думает о королеве: о тихом, доверительном тоне ее голоса и о ее гибких изящных руках. Она начала проникать даже в его сны и делать с ним такие вещи, о которых он не осмеливался и помыслить при свете дня.

– Она может выбраться из эркерного окна в круглой башне, – предложил Уилл. – Оно находится лишь в восьми футах от земли.

Но когда Мэри Сетон попробовала провести эксперимент, она вывихнула лодыжку. Под окном как попало валялись гладкие камни и валуны, мешавшие сохранять равновесие.

Потом, когда Джордж в конце февраля сидел на причале, он увидел приближающуюся лодку, на которой везли постиранное белье. Эта лодка совершала еженедельные рейсы, и тюки с чистым бельем лежали посередине. Впереди и сзади сидели четверо лодочников, сосредоточенно взмахивавших веслами.

Прачки! Их было три, и они носили бесформенные темные плащи; их лица были невыразительными и почти бесцветными. Под плащами Джордж мог видеть тяжелые грязные башмаки на деревянной подошве. Женщины казались огромными, темными и зловещими, словно три парки, особенно когда они медленно направлялись по тропе к замку, с достоинством неся на плечах тяжелые узлы с бельем. Джордж поспешил за ними в надежде рассмотреть их лица и увидел – как странно! – что они действительно напоминали Клото, Лахезис и Атропос.

Когда женщины обернулись и уставились на него, он почувствовал себя глупо. В очередной раз он поддался соблазну надеть обычного человека или ситуацию мифическим величием. Он скованно кивнул и отвернулся.

Тем не менее его сердце гулко забилося. Он нашел способ. Мария могла переодеться и просто выйти вместе с ними, закрыв лицо. Это будет легко, потому что их одежда надежно скроет ее лицо и фигуру. Нужно организовать побег, пока весна еще не вступила в свои права.

Он подкупил прачек, и три парки взяли деньги точно так же, как это делали все обычные люди. По указанию Марии он направил сообщение Джону Битону – родственнику Мэри Битон из верной роялистской семьи, которая служила Марии в Холируде, – а также лорду Сетону и лэрду Риккартону, одному из доверенных людей Босуэлла. Они с вооруженными помощниками должны были собраться в горной долине в окрестностях Кинросса и ждать сигнала об удачном побеге. А потом направиться в крепость Гамильтонов.

– Все будет зависеть от вашего умения пройти незамеченной сто футов от башни через ворота и до лодочного причала, – сказал Джордж. – Постарайтесь не попадаться на глаза моим сестрам.

Две самые юные девушки из многочисленной семьи Дуглас, четырнадцати и пятнадцати лет, были приставлены к Марии «для компании» и в знак протеста против родителей тайно устроили культ ее личности. В результате, к отчаянию Марии, они следили за каждым ее движением.

Мария рассмеялась:

– Это будет труднее всего. Я заметила, что они следят за мной, даже когда думают, что я сплю.

– Не могу их винить, – сказал Джордж.

Мария ощутила легкий трепет предостережения. Она не осмеливалась смотреть на него, чтобы не поощрять его зарождающуюся страсть. Тем не менее она была тронута и польщена.

– Очень утомительно, когда тебя считают богиней, – продолжила она. – Это далеко не так приятно, как можно представить.

«Ну вот, – подумала она. – Теперь я его предупредила».

– К трем часам, когда прачки соберутся уходить, я постараюсь отвлечь сестер или дам им какое-нибудь поручение – например... например, разобрать вещи для штопки, – быстро сказал Джордж, и она поняла, что теперь может смотреть на него.

Он был очень красивым, настолько, что в семье его называли «красавчик Джорджи». Мария мимолетно подумала, почему он до сих пор не женат или хотя бы обручен. Он происходил из богатой и высокопоставленной семьи, был красноречив, хорошо образован и отлично сложен. Может быть, он набожен и хранит целомудрие для Бога? Но нет, у протестантов это не принято. Взять хотя бы Джона Нокса!

– Чему вы улыбаетесь? – Он рассматривал ее так же пристально, как и его сестры.

– Я гадала, нет ли у вас тайного желания стать монахом, – лукаво отозвалась Мария.

– Вы имеете в виду, религиозен ли я? Или вы считаете меня аскетом?

Он выглядел таким серьезным, какими бывают только очень молодые люди. Мария помедлила с ответом.

– И то и другое, – наконец сказала она.

– Я не берегу свою девственность по религиозным соображениям, – с оскорбленным видом произнес он. – Нет никакой иной причины, кроме той, что я еще не встретил никого, кто был бы достоин моей любви.

Казалось, его ярко-голубые глаза в этот момент засияли каким-то особенным светом.

– Ах, вы все-таки склонны обожествлять других людей, – с улыбкой сказала она. – Берегитесь этого в любви.

– Полагаю, вам лучше знать, – с обидой отозвался он, а потом сразу же стал извиняться. Мария остановила его.

– Да, я слишком хорошо это знаю, – ответила она. – Вы совершенно правы.

Все должно было решиться двадцать пятого марта. Мария молилась о том, чтобы не поднялась буря, не заболела одна из прачек или она сама. «Пусть все случится, как я хочу!» – безмолвно умоляла она.

Словно в ответ на ее молитвы двадцать пятого марта выдался именно такой день, как ей хотелось; он был серым и пасмурным, так что люди старались не задерживаться на улице, но не настолько ненастным, что прачкам пришлось бы отложить свой визит.

Весь день Мария заставляла себя ходить и есть медленно, не выказывая признаков спешки. Из ее слуг только Мэри Сетон знала о замыслах своей госпожи. У остальных будет время узнать, если план сработает; она на собственном опыте убедилась, что любой человек, посвященный в тайну, может нечаянно выдать ее.

Свобода. Может быть, завтра в это время она будет скакать в крепость Гамильтонов в сопровождении верных подданных. Прошло два года после убийства Риччио, и с тех пор ей трижды пришлось побывать в плену, не говоря уже об угрозах, клевете и болезнях. Пусть теперь все закончится!

После полудня они устроили скромную трапезу, и Мария заставила себя попробовать отварную форель. Она устала от этого лохлебенского деликатеса, неразрывно связанного с ее заключением. «Если мне суждено освободиться, я больше никогда не буду есть форель», – поклялась она.

Под ее кроватью лежал неказистый плащ, который ей предстояло надеть, и длинный шарф, чтобы закрыть лицо. Когда унесли тарелки, в дверях появился Джордж и позвал своих сестер:

– Арабелла, Мэгги, вы нужны в комнате для шитья!

Это был условный сигнал. Девушки неохотно встали и вышли из комнаты, напоследок обратившись к Марии:

– Помните, вы обещали нарисовать следующую часть нашего узора для вышивки.

Мария выглянула из окна и увидела трех прачек, идущих к замку. Она знала, что им понадобится лишь полчаса, чтобы отдать чистое белье и забрать грязное. Ей приходилось прятать руки, чтобы другие не заметили, как они дрожат. Выдержит ли она следующие пятнадцать минут? Мария ушла в свою комнату, опустила на кровать и стиснула руки, чтобы успокоить нервную дрожь. После чего взяла четки и прочитала несколько молитв на латыни. Наконец она решила, что время пришло. Опустившись на колени, она достала плащ и надела его. Потом тихо прошла через главную комнату и спустилась по лестнице. Она не останавливалась и прикрывала лицо капюшоном.

Мария вышла из башни и пересекла двор, заросший бурой и спутанной прошлогодней травой. Солдаты расположились на стене, слишком уставшие, чтобы разговаривать друг с другом. Некоторые дремали, уронив голову на руки. Другие чистили ружья.

Ворота были открыты. Две прачки уже вернулись к лодке. Какая удача, что третья отстала от них! Мария направилась к лодке с узлом простыней в руках. Женщины спокойно заняли свои места. Она коротко кивнула другим прачкам, но держала голову опущенной, а край капюшона выдавался вперед, так что лицо оставалось скрыто. Шарф, обернутый сверху, закрывал нижнюю часть ее лица.

Лодочники были готовы к отплытию. Где сейчас третья прачка? Должно быть, Джордж заплатил ей, чтобы она осталась; конечно же, иначе мужчины заметят лишнюю пассажирку.

Мучительно медленно они отвязали лодку и оттолкнулись веслом. Один фут от причала, потом два, три... полоса воды расширилась, и мужчины принялись грести.

Свободна! Свободна! Ненавистный остров находился уже в пятидесяти футах от них, потом в семидесяти. Стены замка уменьшились в размерах, полускрытые за деревьями. Лодка плавно раскачивалась на воде.

– Смотри-ка! – произнес один из гребцов. – Это новенькая!

– А это что такое?

Мария уставилась на дно лодки и сгорбила плечи, не обращая внимания на их слова.

– Давайте посмотрим! – произнес другой голос, и лодка внезапно покачнулась. Лодочник отложил весло, потянулся вперед и попытался сдернуть с ее лица шарф.

– Клянусь, она хорошенькая. – Он снова потянул шарф. – Может быть, ей нужен мужчина? Ладно, милочка, я просто хочу посмотреть!

Мария выдернула шарф из его руки и попыталась понадежнее им обернуться. Ее пальцы запутались в мягкой ткани, раздуваемой ветром, и ей пришлось помогать себе другой рукой. Она услышала удивленный возглас.

– Это... это не прачка! Посмотрите на ее руки! – воскликнул мужчина. Взяв Марию за руки, он склонился над ними и стал рассматривать их, как экзотические цветы. – Такие белые и мягкие, с изящными пальцами... Нет, это явно не прачка.

Мария начала сопротивляться, пытаясь освободить руки, и встала. Наконец ей удалось высвободиться, но при этом ветер сорвал капюшон с ее головы. Гребцы отложили весла и уставились на нее.

– Да, я королева, – сказала она. – И я приказываю вам плыть дальше. Доставьте меня на берег!

– Мадам, мы не можем, – наконец ответил один из них.

– Я королева, и вы не смеете ослушаться меня! Гребите, я приказываю!

– Мы не можем, – повторил лодочник. – Лэрд жестоко покарает нас и наши семьи.

– Я щедро награжу вас.

– Мадам, мы давно живем здесь. Мы не можем опозорить себя. – Мужчина – явно владелец лодки – повернулся к остальным: – Поворачивайте назад. Мы возвращаемся на остров.

– Нет! Нет! – Как остановить их? Неужели она не сможет убедить их? – Прошу вас, добрые господа, жальтесь надо мной. Вы моя единственная надежда!

– Мы много поколений служим лэрду и его семье и не сделаем ничего, что может навредить ему, – настаивал лодочник. – Он был добр к нам и заслуживает нашей преданности.

Мария разразилась слезами, когда лодка плавно развернулась и остров снова начал увеличиваться в размерах.

– Пожалуйста, пожалуйста! – всхлипывала она. Она знала, что не вынесет возвращения.

– Мы не желаем вам зла, – продолжал мужчина. – Мы ничего не скажем лэрду, и никто даже не узнает об этом. Когда мы пристанем к берегу, тихо идите в замок и пришлите женщину, которая осталась там. Мы сделаем вид, будто она что-то забыла.

Мария беспомощно смотрела, как лодка подошла к острову и снова ткнулась носом в причал. Перед ней поднималась безобразная стена с воротами. Она покорно вышла из лодки и медленно направилась обратно в тюрьму. Зевающие стражники почти не обратили внимания на нее. Побег был задуман идеально, и оттого происходящее казалось еще более мучительным.

Когда она шла обратно через луг, туго скатав плащ, чтобы не вызывать лишних вопросов, Джордж вышел из соседнего здания, куда солдаты отправлялись на ужин. Он замер и уставился на нее; его лицо стало еще более бледным, чем обычно. Она прошла мимо, не глядя на него. Ее глаза заволакивали слезы.

Вернувшись в свою комнату, Мария бросилась на кровать. Она притворится спящей; тогда ей не нужно будет с кем-то говорить или пытаться скрыть слезы. Если она уткнется лицом в подушку и распустит волосы, то у нее появится пространство, где можно будет остаться наедине со своим горем.

Неудача! Она с трудом могла поверить в это. До сих пор ей удавались все попытки бегства, и казалось естественным, что эта будет такой же успешной, как и остальные. Как говорил Босуэлл, «никакая тюрьма не сможет удержать нас». Так ей и казалось. Однако теперь он находится под арестом при дворе короля Дании, а она заперта на острове. Навсегда? Они хотят, чтобы это продолжалось вечно? Лорды ничего не сказали о своих долгосрочных планах относительно нее.

Марию настолько потрясла сама близость свободы, что теперь силы окончательно покинули ее. Все здесь были преданы лэрду; лишь Джордж осмелился пойти против его воли. Но Джордж нуждался в сообщниках, а их было трудно найти. Что, если эта попытка выдаст их предыдущий план с кражей лодки?

Теперь она не на шутку испугалась. Что, если бегство невозможно? Что тогда?

– Моя дражайшая королева. – Джордж стоял на коленях у ее кровати. – Что... что случилось?

– О Джордж! – Она села и откинула волосы. – Они увидели мои руки! – Он с трепетом прикоснулся к ее пальцам. – Они поняли, что я не занимаюсь стиркой. Потом они повернули к острову, хотя я приказала им плыть дальше. Похоже, они верны своему лэрду больше, чем своей королеве.

– Вот оно что... – Джордж выглядел искренне расстроенным. – И вы уже проделали половину пути, я видел это. – Он продолжал гладить ее ладонь, пока Мария не отняла ее.

– Мне еще никогда не было так горько, – прошептала она.

– Мы попробуем снова. Должен быть другой план. На этот раз мы найдем собственных гребцов.

Она невольно улыбнулась:

– Кто же это будет? Гарнизонные солдаты?

– Я кого-нибудь найду, – упрямо сказал он. – Возможно, ваши люди...

– Джордж, я должна дать вам нечто такое, что послужит условным сигналом, если нам станет трудно встречаться и беседовать друг с другом. Это чудо, что здесь никого нет. – Она сняла жемчужную сережку. – Серьги легко потерять и легко найти. Если вы вернете мне эту сережку, я пойму, что это значит: «Я получил ваше сообщение» – или «Все готово». Короче говоря, это значит «Да».

Она протянула ему сережку.

На следующий день Джорджа нигде не было видно. То же самое повторилось и на другой день. На третий день Мария наконец решила спросить о нем леди Дуглас.

– Мадам, моего сына отослали на берег из-за чрезмерно близкого знакомства с вами. До некоторых людей дошло, что он – как бы это сказать? – поддался чарам Стюартов. Я сама знаю, как трудно бывает противиться им. – Она усмехнулась.

– Как удачно для Шотландии, что вам это не удалось, – сказала Мария. – Иначе сейчас, в час жестокой нужды, у нас не было бы регента. – Удалось ли ей скрыть сарказм, звучавший в ее голосе? Но как быть с Джорджем? – Но я не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите о Джордже.

– Он внушил себе, будто влюблен в вас, и вы поощряли это, – ответила леди Дуглас. – Этот факт крайне опечалил его сводного брата лорда Джеймса. Но, будучи матерью, я обязана думать обо *всех* своих детях и об их будущем. – Она изогнула бровь и усмехнулась. – Я думаю лишь о том, что будет лучше для Джорджа, – с притворным смирением добавила она.

– Как и я, леди Дуглас. Я очень привязалась к нему... – Мария позволила этим словам многозначительно повиснуть в воздухе. – ...И находила его общество чрезвычайно приятным. Но я не имела понятия, что Джордж может испытывать ко мне более глубокие чувства. Это требует некоторого размышления... Между тем очень хорошо, что он останется в стороне до тех пор, пока не будут сделаны определенные выводы относительно его будущего... Да, вы поступили очень мудро.

Леди Дуглас широко улыбнулась. Знаменитая удача Дугласов снова не изменила им.

* * *

Март, с его серыми небесами, постоянными туманами и дождями наконец сменил апрель. Мария со своими слугами старалась держать Великий пост; в их нынешнем удрученном состоянии было нетрудно сторониться любого веселья и ходить с постными лицами. Лишь Мэри Сетон знала о неудачной попытке побега, но все слышали об изгнании Джорджа

за чрезмерное внимание к королеве. Казалось, что каждого, кого могли заподозрить в интересе или сочувствии Марии, ожидала сходная судьба. Сначала Рутвен, теперь Джордж.

Марии удалось отправить одно письмо во Францию. Она написала Екатерине Медичи.

«С чрезвычайными трудностями мне удалось найти верного слугу, дабы объяснить Вам свое несчастное положение. Умоляю Вас проявить сострадание ко мне, так как лорд Джеймс, ныне занимающий пост регента, в частной беседе сообщил мне, что Ваш сын, король Франции, собирается заключить мир с французскими гугенотами и одним из условий мирного договора будет отказ от любой помощи для меня. Я не могу поверить этому, ибо после Бога я более всего полагаюсь на Вас и короля, что может засвидетельствовать податель сего письма. Прошу Вас оказать ему такое же расположение, как если бы на его месте оказалась я, и не осмеливаюсь просить о большем, кроме надежды на то, что Бог не оставит Вас в своей бесконечной милости.

Писано в моей тюрьме, в последний день марта».

Ученики Кальвина! Сначала они обратили шотландцев в свою веру и разорили страну, а теперь пытались сделать то же самое во Франции. В Шотландии их называли реформистами, а во Франции – гугенотами. Говорили, что во Франции их много тысяч и они имеют военную организацию. Волны насилия прокатывались по Франции, пока гугеноты боролись с католической церковью за власть над умами людей. Именно гугеноты убили герцога Гиза и коннетабля Монморанси и стали настолько могущественными, что Екатерина Медичи начала искать примирения с ними.

Повсюду выстраивались боевые порядки. Голландцы – тоже протестанты – взбунтовались против испанского правления. В Испании инквизиция стремилась уничтожить любых протестантов, скрывавшихся от ее гнева. Словесные дуэли между реформаторами более мягкого толка и добродушными католиками сменились ожесточением и бескомпромиссностью с обеих сторон. Трентский собор, завершившийся пять лет назад, принял грозную резолюцию о невозможности примирения с протестантами. Все, что протестанты ставили под сомнение: исповедь перед священником, молитвы святым и верховная власть папы римского, – провозглашалось абсолютно необходимым для спасения души. Католик даже не мог присутствовать на протестантской службе, не подвергая свою душу опасности. Поле битвы было обозначено, флаги развернуты, и трубы давали сигнал к бою. На стороне протестантов, словно игроки в деревенском футбольном матче, были Скандинавские страны, Англия, Шотландия и Нидерланды. На стороне католиков выступали Италия, Португалия и Испания. В Германии и Франции произошел раскол.

«А моя несчастная участь – попасть в эту ловушку, – думала Мария. – Моя судьба зависит от религиозных фанатиков, и это при том, что я всегда проповедовала терпимость».

Она могла бы рассмеяться, если бы ирония не была такой горькой.

До нее дошли новые известия о судьбе Босуэлла. Она знала, что его перевезли в Копенгаген. Лорды пытались убедить короля Фредерика, что Босуэлла нужно предать суду, но Фредерик продолжал удерживать его. Почему? Насколько ей было известно, о выкупе речи не шло и никто не связывался с ее представителями, такими, как архиепископ Глазго, ее верный посол во Франции. Почему Босуэлл не мог сбежать или договориться о своем освобождении? Она отправила королю Фредерику письмо, где возражала против экстрадиции Босуэлла, и смогла передать его перед самым изгнанием Джорджа. У нее не было возможности узнать, дошло ли письмо по назначению. Она также написала Босуэлла, излив свои тщательно скрываемые чувства и умоляя его не падать духом. Она мало что написала о собственных бедах, не желая причинить ему еще больше боли, чем причинила уже. Представлялось еще менее вероятным, что это второе письмо дошло до адресата.

Джордж рассказал ей о слухах, что Босуэлл предложил Оркнейские и Шетландские острова Дании в обмен на свое освобождение, и это заинтересовало Фредерика. Но, несмотря на титульные права Босуэлла, он понимал, что лорды должны признать эту сделку. Возможно, Фредерик задерживал Босуэлла именно по этой причине, собираясь предложить его лордам в обмен на острова.

В середине апреля, перед Страстной неделей, Уилл продемонстрировал свою изобретательность. Ему удалось доставить Марии два драгоценных письма. Одно из них было копией послания, написанного Босуэллом для Карла IX («Значит, мы оба припадаем к его ногам, умоляя о спасении», – подумала Мария), а другое предназначалось для нее.

– Говорят, что его темница не такая мрачная, как ваша, – прошептал Уилл, когда они гуляли по маленькому огороду. Некоторых солдат заставили перекопать землю для посева. – Его перевезли в шведский город Мальмё и разместили в замке – в той самой комнате, где когда-то жил низложенный датский тиран Кристиан II. Она большая, со сводчатым потолком и находится на втором этаже. Они установили решетки на окна, когда готовили ее для Босуэлла.

Значит, они знали о его умении сбегать из-под стражи. У Марии стало тяжело на сердце.

Уилл передал ей оба документа, и она поспешно спрятала их в рукаве. Солдаты орудовали лопатами, но они, несомненно, наблюдали за ними. Ей придется подождать возвращения в свою комнату.

– Я скучаю по Джорджу, – сказала она так громко, чтобы все ее услышали.

– Да, – согласился Уилл. – До меня дошли слухи, что он собирается во Францию. Он говорит, что здесь ему не светит удача и если уж отправляться в изгнание, то он предпочитает уехать за границу; по крайней мере там можно узнать что-то новое.

– Ох! – Значит, Джордж потерял для нее. Потом она увидела, как Уилл едва заметно подмигнул ей.

– Его родители будут опечалены, – сказал он. – Но вы же знаете, какими упрямыми бывают молодые люди!

Вечером Мария изобразила боль в желудке и тошноту, что потребовало уединения в своей комнате. Заботливые юные дочери Дугласов беспокоились о ее здоровье и хотели приносить холодные компрессы, сидеть рядом с ней и гладить ей лоб.

– Может быть, – сказала она. – Но лишь после того, как пройдут самые сильные боли.

В тусклом свете единственной свечи, издавая притворные стоны и звуки отрыжки, Мария развернула письма.

«Христианнейшему королю Франции Карлу IX.

Сир! Я покинул Шотландию, дабы сообщить королю Дании о великих и несомненных злодействах, учиненных над королевой Шотландии и надо мною, в частности, ее близким родственником. Намереваясь после этого со всевозможным почтением обратиться к вашему величеству, я попал в шторм у побережья Норвегии и впоследствии оказался в Дании. Здесь я обнаружил Вашего посла, мсье Дансэя, которому дал полный отчет о моих делах в надежде, что он незамедлительно ознакомит вас с ними, что мне было обещано. Не сомневаясь в его обещании, я смиренно обращаюсь к вашему величеству с просьбой проявить добрую волю и воздать мне за верную службу, которую я подтверждал в течение всей жизни и каковую надеюсь продолжить. Прошу ваше величество оказать мне честь таким ответом, какой вы можете дать человеку, которому не на кого надеяться, кроме Бога и вашего величества.

Сир, я со всевозможным смирением вверяю себя Вашей милости и молю всемогущего Бога даровать Вам долгую и счастливую жизнь.

Из Копенгагена, 12 ноября,

Ваш покорнейший слуга Джеймс, герцог Оркнейский».

Двенадцатое ноября! Но во Франции так и не предприняли никаких действий. Несмотря на величавый и почтительный тон, письмо никак не помогло ему.

Мария испустила страдальческий стон, который на этот раз не был притворным. Мир поворачивался к ним своей темной стороной. А Фредерик, как она внезапно вспомнила, являлся одним из неудачливых претендентов на руку королевы Елизаветы. Англия в курсе событий.

Дрожащими пальцами она вскрыла другое письмо.

«Моя дражайшая жена!

Я составляю это послание, как ты однажды написала мне, как будто разговариваю с самим собой, не зная о том, придется ли тебе когда-либо прочитать его. Но писать тебе – все равно что писать самому себе, ибо мы – одно целое. Сейчас я чувствую это еще сильнее, чем раньше, даже больше, чем в то время, когда мы были вместе.

Итак, мы оба находимся в тюрьме против своей воли. Твоя темница, любимая, хуже моей, поскольку твои тюремщики являются твоими врагами, тогда как мои не имеют ничего против меня. В Бергене меня задержали по местным делам, а здесь держат в качестве политической пешки. Я надеюсь в конце концов убедить их, что мое заключение бессмысленно. Никто не заплатит за меня выкуп, и теперь я имею очень скромное политическое значение. Единственная моя задача, которая, как ни прискорбно, оказалась невыполненной, – получить помощь для тебя.

Если когда-либо и по какой бы то ни было причине тебе будет польза в расторжении нашего брака, выбери этот путь. Возможно, это все, что я могу сделать для тебя сейчас. Но знай, что в моем сердце ты навсегда останешься моей женой.

Будь сильной и всегда люби меня, как я люблю тебя.

Твой Джеймс».

Мария согнулась над маленькой табуреткой и дала волю слезам.

* * *

Пасхальная неделя началась с дождливого Вербного воскресенья. Поскольку на острове не было священника, они никак не могли отметить праздничные дни. Леди Дуглас в приступе извращенного вдохновения предложила пригласить Джона Нокса, чтобы он прочитал проповедь. К счастью, это было невозможно из-за его болезни.

Марии пришлось самой изыскать средства для соблюдения обрядов в священные дни. У нее были при себе молитвенники и часословы, и она потребовала, чтобы ее слуги с утра до вечера постились и хранили молчание, а единоверцы присоединились к ней в молитвах и благочестивых размышлениях.

Остров покрылся молодой зеленью, такой яркой, что она казалась полной жизни и энергии. Ветви деревьев окутала полупрозрачная зеленая дымка, имевшая различные оттенки; когда солнце просвечивало сквозь кусты и деревья утром и на закате, все вокруг купалось в нежном зеленом сиянии.

Печальная литургия предательства, разлуки, крестных мук и смерти заняла разум Марии. Никогда еще эти события не казались такими близкими и насущными. Соглядатай

Иуда, живший с Иисусом и близко знавший Его, предал Его за тридцать сребреников. *Лорд Джеймс*. Стойкий и смелый, но в конце концов беспомощный апостол Петр. *Босуэлл*. Толпа, которая кричала «Осанна!» и расстилала плащи на дороге, через шесть дней требовала распять Иисуса и вопила: «Отдайте нам Варраву!» *Лорды и жители Эдинбурга, кричавшие: «Сжечь иллуху!»* Религиозные лидеры, которые должны были проявить наибольшую справедливость, санкционировали убийство. Первосвященник Каиафа, который считал целесообразным, чтобы один человек умер за целый народ. *Джон Нокс*. Синедрион: *лорды Конгрегации*. Римские чиновники, которые считались беспристрастными, но встали на сторону толпы: *французы и англичане*.

Прощание с учениками: Мария, расставшаяся с Босуэллом на поле боя и смотревшая, как он галопом скачет прочь от нее.

«Как будто на разбойника, вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня! ...Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе»¹.

Все рассеялись. «*Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и оставите Меня одного*»². Гамильтоны и Гордоны, которые так и не пришли. Солдаты из Приграничья на Карберри-Хилл, которые растаяли, как воск под жарким солнцем. Да, ее войска рассеялись и скрывались или заключили мир с лордами.

Однако все время, пока Мария молилась, стоя на коленях перед распятием, она знала, о чем ей говорил холодный взгляд фигуры на кресте: «*Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе*». Она не являлась невинной жертвой. Она любила Босуэлла, принимала его в своей постели и всем сердцем желала освободиться от Дарнли. Потом кто-то услышал этот шепот глубоко внутри ее существа и взял на себя то, что должно было стать ее бременем. Тот факт, что Дарнли сам собирался убить ее, не уменьшал ее собственный грех, ибо она возненавидела его задолго до этого. «*О Господи, имей жалость ко мне и моим страданиям, – молилась она в начале недели. – Избавь меня от врагов моих!*» В конце недели она просто сказала: «*Господи, смилуйся надо мной, грешной!*»

* * *

Пасха пришла в сиянии славы – яркий солнечный день с шелестом листьев и птичьим пением. С запада на остров подул теплый ветер, наполнявший обещанием лета и долгих теплых дней. Лэрд устроил трапезу в главном зале, а солдаты гарнизона носили одуванчики в петлицах и играли в ручной мяч на лужайке. Девушки Дугласов надели надушенные перчатки и съели за обедом больше миндального пудинга и пирожков с сиропом, чем следовало. Весь замок праздновал весенний день: люди гуляли, пели и резвились на свежей траве. Леди Дуглас и Мария взялись за руки и станцевали вместе. Жена лорда Линдсея, находившаяся на последнем месяце беременности, сидела на траве вместе с Мэри Сетон и аплодировала им. Ветер сорвал шляпу с Марии, и проворный Уилл побежал за ней и успел поймать, прежде чем ее сдуло в воду.

Апрель незаметно подходил к концу. Миновал год с тех пор, как Босуэлл устроил рискованную игру с похищением Марии и ее заключением в Данбаре, чтобы их брачный союз стал неизбежным. Ароматы ландыша и боярышника, витавшие в воздухе, так ярко возвращали ее в прошлое, что он снился ей каждую ночь. В снах его присутствие сопровождалось и усиливалось другим пьянящим чувством: свободой. Они скакали, гуляли и любили друг

¹ Лк., 22, 52; Ин., 18, 30.

² Ин., 16, 32.

друга на свободе, даже не зная об этом, как рыба не знает о воде, в которой плавает, но бьется и задыхается, когда ее вытаскивают на берег.

Мария мучительно жаждала свободы. Возможность войти в комнату без охраны и наблюдения. Возможность вставать и ложиться, не спрашивая разрешения. Возможность менять лица, на которые она смотрела, и пейзажи, которые видела день за днем. Она была свободной только в снах, а пробуждение было тягостным.

Жена лэрда готовилась к родам, и пожилая леди Дуглас ухаживала за ней, поэтому Марию охраняли менее бдительно, чем раньше. Избавление от чужих глаз и чужого присутствия было подобно избавлению от оков. Молодая мать и бабушка в течение некоторого времени оставались в комнатах круглой башни.

Мария написала королеве Елизавете, надеясь на возможность в будущем передать письмо с помощью Уилла.

«Мадам и моя добрая сестра,

продолжительность моего томительного заключения и притеснения, которые я испытала от тех, кого щедро осыпала своими милостями, менее тягостны для меня, чем невозможность ознакомить Вас с подлинными обстоятельствами моих бедствий и с оскорблениями, причиненными мне разными способами. Возможно, Вы помните слова, сказанные Вами несколько раз, что, получив назад кольцо, полученное от Вас в подарок, Вы поможете мне в любые трудные времена. Вам известно, что лорд Джеймс захватил все, что я имею. Мелвилл, которого я тайно посылала за этим кольцом как за моей величайшей драгоценностью, говорит, что не осмеливается передать его мне. Поэтому я умоляю Вас проявить сострадание к Вашей доброй сестре и поверить в то, что у Вас нет более преданной родственницы. Вам также нужно рассмотреть смысл и значение тех действий, которые были предприняты против меня.

Молю вас соблюдать осторожность, чтобы никто не узнал о моем письме, иначе ко мне станут относиться еще хуже, чем сейчас. Они похваляются, что их друзья при Вашем дворе сообщают им обо всем, что вы говорите и делаете.

Пусть Бог хранит Вас от несчастий и дарует мне терпение, чтобы я однажды смогла лично рассказать Вам о своих бедствиях. Тогда я скажу больше, чем осмеливаюсь написать сейчас, что может оказать Вам немалую услугу.

Ваша преданная сестра и кузина Мария, писано в моей тюрьме в Лохленене».

Она сложила письмо и спрятала его между страницами молитвенника. До сих пор хозяева не обыскивали ее религиозные принадлежности, как будто все связанное с католичеством было неприкасаемым для них.

В последний день апреля погода решила поиграть с людьми. Мария проснулась под проливной дождь, который как будто промочил насквозь даже стены каменной башни. Она слышала звук воды, капавшей и сочившейся через трещины в старинных стенах. Земля снаружи не могла впитать такое количество влаги, и травянистый двор превратился в одну большую лужу. Но к полудню облака разбежались по небу, словно мифологические нимфы, преследуемые сатирами, и осталось лишь чистое голубое небо.

Солнце сияло в лужах и на мокрой листве. Поднялся теплый туман, и через час все высохло. Напившись, цветы раскрыли свои бутоны и, казалось, танцевали в весеннем воздухе.

Ароматы растений и теплый туман оказывали пьянящее воздействие на чувства. «Удивительно, что люди называют эту ночь Вальпургиевой, – подумала Мария. – Первое мая и предыдущая ночь были наполнены могущественной магией. – Она улыбнулась про себя. –

До приезда в Шотландию я даже не слышала о Вальпургиевой ночи. Но теперь я больше знаю о ведьмах, чем мне когда-либо хотелось узнать».

Приближалась лодка. Все собрались посмотреть, кто приехал, и сердце Марии радостно вздрогнуло, когда она узнала Джорджа. Он помахал рукой, и стражники приготвились открыть ворота.

Джордж! Должно быть, произошло нечто важное. Стараясь скрыть волнение, Мария ждала вместе с остальными, пока Джордж не вышел за ворота. Он не посмотрел на нее, но тепло приветствовал своего отца.

– Джордж, – сказал лэрд. – Ты хорошо выглядишь, но ты же знаешь, что...

– Совесть не позволяет мне отправиться во Францию, не попрощавшись с родителями, – перебил он. – Я недолго пробуду здесь. Где мама?

– Я приведу ее. Она будет рада видеть тебя.

Джордж поклонился, и, сделав вид, что осматривается по сторонам, встретился взглядом с Марией. Он почти незаметно кивнул ей и отвернулся.

Леди Дуглас поспешила навстречу сыну и обняла его. Потом она положила руку ему на плечо, и они вместе пошли через лужайку.

Что за сигнал он подал ей? Будет ли у них возможность поговорить? Мария решила подождать на открытом месте в надежде встретиться с Джорджем, когда он соберется уходить.

Но Джордж вернулся к лодке в сопровождении родителей и ограничился лишь легким кивком в ее сторону.

Вечером после ужина Уилл расхаживал по двору, пиная мяч и что-то напевая себе под нос. Мария спустилась по лестнице и с небрежным видом подошла к нему. Он держал голову опущенной и старался попасть мячом в камень у подножия стены. Три раза из четырех ему это удалось.

– Очень хорошо, – тихо сказала Мария. Уилл поднял голову и усмехнулся. Потом он наклонился, поднял мяч и сунул под мышку. Они вместе подошли к воротам, которые оставались открытыми в наступающих сумерках.

– У вас есть несколько минут, – предупредил один из стражников. – Скоро мы пойдем ужинать и запрем ворота.

Уилл и Мария подошли к краю воды. Заходившее солнце окрасило облака в ярко-розовый цвет, и их отражения плыли по озеру.

– Сегодня здесь не будет колдовских костров, – проговорил Уилл. – Но я не сомневаюсь, что их зажгут в Хайленде. Мы здесь слишком цивилизованны, – со смехом добавил он.

– Завтра первое мая, – сказала Мария. – Разве вы не отмечаете Майский день?

Майский день с Дарнли, собирающим цветы. Майский день с Босуэллом в башне Данбарского замка. Майский день во Франции и поездка верхом по сельской дороге, когда Мария впервые овдовела. Этот день как будто связан с поворотными моментами ее жизни.

– В этом году мы будем отмечать Майский день, – ответил он. – Я наряжусь аббатом-гулякой³, а все остальные станут делать то, что я скажу. Они будут следовать за мной и подчиняться моим приказам.

– Добрый вечер, – произнес голос рядом с лодками, привязанными поблизости.

Мария вздрогнула. До сих пор она никого не замечала, в отличие от Уилла. Именно поэтому он обращался к ней так формально и отстраненно.

– Добрый вечер, сэр, – отозвался он. Солдат подошел к ним в сгустившихся сумерках.

– Я просто закрепляю лодки, – пояснил он.

³ Распорядитель «пира дураков», обычно во время рождественских увеселений в Англии и Шотландии. Традиция восходит к средневековым балаганным представлениям (*примеч. пер.*).

– Хорошо, – сказал Уилл и многозначительно посмотрел на него. Тот пожал плечами и направился к воротам.

– Мы спугнули его, – прошептал Уилл. – Теперь у нас есть две-три минуты для разговора. Слушайте: все готово к вашему побегу, поэтому Джордж и появился здесь. Он не поедет во Францию, но ему нужен предлог, чтобы оставаться поблизости.

Ворота заскрипели; солдаты собирались закрыть их.

– Идите внутрь! – крикнул кто-то.

– Мы идем, – отозвалась Мария.

– Когда все будут праздновать, я за обедом украду ключи у лэрда. Потом подам вам сигнал. Будьте в башне, переоденьтесь и подготовьтесь к бегству. Точно следуйте моим указаниям.

Они медленно направились к воротам.

– Я испорчу лодки, а мы уплывем на той, которая останется целой. Никого не приводите с собой и никому ничего не рассказывайте. Я... Добрый вечер, офицер, – обратился он к начальнику караула и повернулся к Марии: – Спокойной ночи, ваше величество.

Мария проснулась на рассвете, услышав птичий щебет еще до восхода солнца. Желанный день наконец настал. Она не осмеливалась думать об этом, чтобы волнение не выдало ее намерения. Но когда она встала, то не смогла удержаться от мысленного прощания с комнатой, где провела последнюю ночь. «Молю Бога, чтобы больше никогда не просыпаться здесь», – подумала она.

Она снова подготовила потрепанный дорожный плащ в надежде на то, что он не принесет ей беду из-за последней неудачной попытки бегства. Отсутствие женщин из семьи Дуглас значительно упрощало подготовку. Она отобрала несколько личных вещей, которые могли понадобиться в будущем, и сложила их вместе. Теперь оставалось дожидаться назначенного срока. Еще никогда обычный день не казался таким долгим. За утренней молитвой вместе со слугами последовал завтрак, потом шитье, потом прогулка во дворе.

Двор был полон, так как большой зал готовили к празднику, и на стенах и деревьях развешивали украшения – вышитые знамена и разноцветные ленты. Музыканты репетировали на солнечной лужайке и уже пробовали эль. Привезли много бочек эля, и к полудню солдаты тоже начали щедро прикладываться к хмельному напитку. Мария надеялась, что это продлится до вечера. Как будет печально, если эль закончится и солдаты успеют протрезветь до ее бегства!

– Теперь следуйте за мной. – Уилл нарядился в аляповатый шелковый плащ и высокую коническую шляпу сказочного волшебника. Он передвигался на четвереньках, и остальные следовали его примеру. Потом он вскочил и развернулся, другие сделали то же самое.

– Эй, ты там! – Он указал на одного из солдат на стене. – Встань на голову!

– Что? – Солдат оглянулся вокруг. – Здесь?

– Да, если хватит смелости, – заявил Уилл. – Отсюда до земли не более десяти футов. Даже если упадешь, не разобьешься.

Солдат – фактически мальчишка немногим старше самого Уилла – с энтузиазмом попытался выполнить приказ, но потерял равновесие и едва успел ухватиться за край стены.

– Плохо, очень плохо, – произнес Уилл под общий смех. – Придется тебя наказать. Ты будешь до обеда носить миссис Мэгги на спине!

Еще больше людей пристроились к процессии за спиной Уилла, со смехом и громкими выкриками следуя за ним. Игра продолжалась до раннего вечера, пока он не исчерпал запас выдумок и шуточных распоряжений с наградами и наказаниями. Люди стали гораздо пьянее, но эль волшебным образом не закончился. Неужели Уилл заплатил за все?

Мария покинула веселую процессию. У нее закололо в боку. Она постояла какое-то время, обхватив себя руками и надеясь, что боль пройдет. Сейчас она не могла позволить себе физической слабости.

Одна из служанок, еще совсем юная девушка, подошла к Марии и протянула ей жемчужную сережку. Мария молча посмотрела на нее.

– Ваше величество, Джордж Дуглас просил передать вам это. По его словам, кто-то из слуг нашел ее и попытался продать ему, но он узнал вашу сережку и распорядился вернуть ее владелице. Она действительно ваша?

– Да, – ответила Мария. – Я недавно потеряла ее. Большое спасибо.

Девушка сделала реверанс:

– Рада вернуть ее вам, мадам.

Условный сигнал! Значит, все готово. У Марии закружилась голова от волнения, и боль в боку мгновенно исчезла.

– Я устала от этого шума, – сказала она. – Мне нужно отдохнуть до обеда.

Она вернулась в свою комнату в башне, которая – еще одно чудо! – оставалась пустой. Там Мария под платье быстро надела юбку служанки и сменила обувь. Потом она прилегла и попыталась успокоиться.

Через час она вышла на улицу. Празднующих людей не было видно, но Мария могла слышать их. Судя по всему, они ушли в трапезную в большом зале замка, где собирались пить дальше и распевать песни.

По двору расхаживала леди Дуглас. У Марии упало сердце, и она была готова вернуться к себе, но ее заметили. Ей пришлось через силу улыбнуться и направиться к хозяйке в надежде, что грубые башмаки не будут заметны под длинной юбкой.

– С праздником, – сказала леди Дуглас. – Но по-моему, это несусветная глупость.

Ее голос выдавал недовольство.

– В этой тюрьме для меня приятно любое отступление от распорядка, – ответила Мария.

– В тюрьме? Арабеллу тревожат сны об огромном вороне, который уносит вас над озером. Ей приснилось, что Уилл подкупил этого ворона.

Арабелла. Эта глупая девчонка, которая подглядывала за ней!

– Она очень расстроена, – продолжала леди Дуглас. – Ей ненавистна сама мысль о расставании с вами.

– Я привязалась к ней, – осторожно ответила Мария. – Но ее сон едва ли может сбыться. Я слишком тяжелая для ворона. – Она надеялась, что ее смех кажется глуповатым.

– Да, для этого понадобится целая стая воронов. Но умоляю вас, мадам, помните о моей семье. Вы погубите нас, если сбежите отсюда. Лорды подумают... Что это? – Она указала на какое-то движение на другом берегу озера.

Отряд всадников! Мария ясно видела их, расположившихся недалеко от Кинросса.

– Ваша семья, – сказала она, пытаясь отвлечь внимание собеседницы. – Конечно, вы имеете в виду вашего дорогого лорда Джеймса. Неужели вы заботитесь лишь о нем? У вас есть десять других детей. Почему только он занимает ваше сердце? Он жестокий и алчный человек; знаете ли вы, что когда я умирала от болезни и он думал, что я не могу его видеть, то начал описывать мои драгоценности? И это ваш любимый сын! Видите, кого вы произвели на свет?

– Лорд Джеймс – глубоко верующий человек, для которого интересы Шотландии превыше всего. – Лицо леди Дуглас потемнело, и она остановилась, глядя на другой берег. Всадники исчезли.

– Для него *он сам* превыше всего остального. И подумайте о том, какую честь для вашей семьи составляет роль его слуг и марионеток. – Мария должна была отвлечь леди

Дуглас от наблюдения за противоположным берегом; лишь оскорбительные слова в адрес Джеймса могли заставить ее забыть о том, что она только что видела.

– Как вы смее так говорить о нем? – Леди Дуглас обрушилась на нее, как тигрица, перечисляя все ее прегрешения и недостатки. Мария слушала и прикидывалась оскорбленной, в то же время отвернувшись от озера, чтобы ее противница не смотрела в ту сторону.

По заведенному распорядку лэрд доставлял обед Марии в квадратную башню, где она ела вместе со своими слугами. Сегодняшний вечер не был исключением, и шаркающий хозяин в бумажной шляпе, которую Уилл нахлобучил ему на голову, рыгая от выпитого эля, принес ей весеннюю трапезу: жареную баранину, пироги со шпинатом, запеченный сливочный пудинг и напиток с вязущим вкусом под названием «Весенний тоник»: свежий эль с листьями молодого репейника и соком кресс-салата.

– Надеюсь, вам будет приятно отведать его, – сказал он.

– Я уверена в этом, – с улыбкой ответила Мария. «Я без сожаления расстанусь с этим местом, – между тем думала она. – Но лэрд всегда был добр ко мне и не желал мне зла. Трудно представить этого мирного немогущего человека в роли тюремщика. Правда ли, что Уилл его незаконнорожденный сын? Какая история скрывается за этим?»

Лэрд принялся расхаживать по комнате, словно ему не хотелось уходить. На какое-то время он остановился и печально посмотрел на распятие, висевшее на стене рядом с окном. Внезапно он вздрогнул, как будто увидел что-то снаружи.

– Гм! – произнес он. – Что там делает этот глупый Вилли?

Мария встала и подошла к окну. Уилл склонился между двумя лодками, вытасканными на берег. Должно быть, он приводил их в негодность, как и обещал. В празднестве наступил перерыв, и у него появилась возможность заняться другими делами перед возвращением в трапезную.

– Что за несносный мальчишка! – воскликнул лэрд. – Вечно он лезет повсюду со своими выдумками!

Он стал жестами показывать стражнику, чтобы тот вышел и посмотрел, в чем дело.

– Ох! – Мария приложила ладонь ко лбу и застонала. Потом она покачнулась и упала на колени. Лэрд в замешательстве наклонился к ней, позабыв о недавних подозрениях.

– Что с вами?

– Мне нехорошо. Иногда со мной случаются такие приступы. – Мария всем телом навалилась на него. – Прошу вас, помогите мне дойти до кровати.

Лэрд с вздохом взял ее под локоть и проводил к постели.

– Вот. – Он выпрямился и снова посмотрел в окно.

– Могу я попросить вас о доброй услуге? – спросила она. – Сладкое вино с Кипра или из Сицилии помогает мне, когда случаются такие припадки. Если у вас есть, не могли бы вы принести... Ох, я постараюсь не упасть в обморок!

Она закатила глаза и помотала головой. Недовольно ворча, лэрд сам отправился за вином, как будто не мог позвать слугу. К тому времени, когда он вернулся, Уилла уже не было на берегу.

Во время майского пиршества лэрд расположился там, где он мог беспрепятственно смотреть в окно на тот случай, если на другом берегу произойдет что-то необычное. Уилл занимал почетное место за столом и щедро разливал вино. Все остальные продолжали пить.

Перед лэрдом возле его тарелки лежали ключи от ворот и главных дверей замка, как это происходило каждый вечер после того, как стражники запирали ворота на ночь. Всего на цепи болталось пять ключей.

Уилл стоял за плечом лэрда с большой бутылкой в руках.

– Вина, сэр? – предложил он.

– Нет, мне уже довольно. – Мысли лэрда начинали путаться. – Э-э, что это за вино?

– Рейнское, сэр. Лучшее из того, что у нас есть. Гораздо лучше, чем то, что вы пили до сих пор.

– Ну ладно. – Лэрд поднял бокал, но его руку повело в сторону.

– Ох, какая тяжелая бутылка! Прошу прощения. – Уилл бросил салфетку на стол, перехватил бутылку поудобнее и налил вино. Оно булькало и пенилось. Лэрд не заметил, что, когда Уилл взял салфетку, ключи исчезли вместе с ней.

Мария, беспокойно выглядывавшая в окно, увидела, как Уилл вышел во двор из трапезной. Он поднял руку и кивнул.

Мария сняла платье, оставшись в юбке служанки, потом надела поношенный плащ и спустилась во двор. По пути она накинула капюшон на голову.

– Ключи у меня, – сказал Уилл. – Теперь нужно спешить, но не бегите.

Они бодрой походкой направились к воротам. Мария была уверена, что темный объемистый плащ, такой неуместный майским вечером, обязательно привлечет внимание. Ее сердце билось так сильно, что она действительно находилась на грани обморока.

Уилл достал из рукава ключи и сунул один в замок на воротах. Он попробовал другой ключ, который вроде бы подошел, но не поворачивался в скважине. Мария не смела оглянуться и посмотреть, не следят ли за ними.

Уилл попробовал очередной ключ, стараясь удержать нервную дрожь. Он легко скользнул в скважину, а потом она услышала звук отодвигаемого засова. Уилл вынул ключ и открыл ворота, чтобы они могли протиснуться наружу. Потом закрыл створку ворот и запер их снаружи:

– Ну вот. Теперь *они* стали пленниками!

Какое-то время беглецы прятались в тени у стены и ждали, но все было тихо. Затем прокрались к одной из лодок; Мария забралась туда и легла на дно.

– Остальные лодки испорчены? – шепотом спросила она.

– Да, я пробил в них изрядные дыры.

– Лэрд мог видеть тебя, хотя я постаралась отвлечь его.

Уилл оттолкнул лодку и вошел в воду по пояс, а потом забрался внутрь. Он взялся за весла и начал грести. Постепенно лодка выбралась из цепких водорослей у берега и вышла на открытую воду.

Он взмахнул рукой и швырнул ключи в воду. Они упали среди камышей и почти беззвучно пошли ко дну.

– Пусть ныряют за ними! – воскликнул он.

Мария осторожно села. Берег уже остался позади, но в первый раз ей удалось уплыть дальше, прежде чем обман был раскрыт. Повинуясь внезапному порыву, она схватила запасные весла и тоже начала грести. Все, что угодно, лишь бы уйти подальше от острова!

Уилл рассмеялся.

– В этом нет необходимости, – сказал он.

– Нет, есть, – возразила она. – Я должна принимать участие в собственном побеге. Я не старая, больная или беспомощная: я никогда не чувствовала себя более сильной!

Когда Мария произнесла это, то поняла, что еда и отдых в Лохлевене, пусть и навязанные тюремщиками, вернули ей былую энергию и ощущение здоровья. Она снова стала той деятельной и сильной королевой, которая возглавила «гонку преследования». Она налегла на весла.

Небо быстро темнело. На другом берегу ей почудилось какое-то движение. Кто там ждет? Джордж? Мария не могла разглядеть в синевато-сером тумане, поднимавшемся над

озером. Она сложила весла и нашарила шаль, которую прихватила с собой. Они заранее договорились о сигнале: она должна была помахать белой шалью.

Шаль затрепетала в воздухе, хлопая красными кистями: вверх и вниз, вверх и вниз. Джордж и его люди заметили сигнал; должно быть, то же самое относилось к лэрду и другим обитателям замка, беспомощно наблюдавшим из-за крепостной стены. Внезапно она услышала сердитые крики, доносившиеся с острова.

Они достигли причала в Кинроссе, где стоял Джордж, который выглядел бледным и напряженным. Он протянул ей руки и помог сойти на берег. Мария накинула шаль на плечи, повернулась к Уиллу и тихо сказала:

– Спасибо.

– Ваш покорный слуга, – с насмешливым поклоном ответил он.

– Кто еще здесь? – спросила Мария.

К ней уже приближался Джон из верной семьи Битонов. Он возглавлял группу примерно из двадцати всадников.

– Мы одолжили лошадей из конюшни лэрда на этом берегу, – сказал он. Остальные засмеялись. Молодой Джон Сэмпилл, муж Мэри Ливингстон, ехал рядом с ним.

– Лорд Сетон ждет в лощине с пятьюдесятью верными людьми, – объяснил Джордж. – С ним лэрд Хепберн из Риккартона.

Лэрд Риккартон! Друг и родственник Босуэлла!

– Давайте побыстрее уберемся отсюда. Вы можете ехать верхом?

– Конечно, могу! – Мария оседлала жилистую лошадку, которую подвели к ней. Маленький отряд галопом поскакал прочь.

Ночь казалась волшебной. Каким-то образом она ощущалась по-иному, чем на острове. Воздух, запахи – все было другим.

«Свободна. Я свободна». Ощущение оказалось таким странным, что она едва могла разобраться в нем.

Они встретили лорда Сетона и лэрда Риккартона на поляне недалеко от города.

– Дорогой лорд Сетон! – Мария безумно обрадовалась этим людям, потому что они были друзьями, а не врагами. Она так долго не была среди друзей. Они обнялись.

Потом к ней подъехал лэрд Риккартон.

– Друг мой, – сказала она. Один лишь взгляд на него снова сделал образ Босуэлла реальным. – Пожалуйста, сообщите моему мужу, что я свободна. Он должен присоединиться ко мне.

– Я поскачу на побережье, – ответил он. – Буду там к утру. Думаю, будет легко найти торговое судно, которое доставит это известие в кратчайший срок.

II

Мария со своим отрядом объехала вокруг Кинросса, а потом направилась по дороге, ведущей на юг. Она возвращалась по злосчастному маршруту своей поездки с Линдсеем и Рутвенем после ее пленения. Каждый поворот дороги пробуждал свое воспоминание о пережитом ужасе: нависающая ветка, которая, как она надеялась, выбьет Линдсея из седла; крутой поворот, где ее едва не стошнило. Теперь все это казалось обычными чертами ландшафта, не заслуживавшими особого внимания.

Лорд Джордж Сетон, скакавший перед ней, держал хороший уверенный темп. Что за верный друг! Он всегда оказывался рядом с ней в самые опасные моменты и помог ей бежать из Холируда. Возможно, в Лохлевене сейчас допрашивали его сестру. Брат с сестрой были беззастенчиво преданы ей; как это контрастировало с ее собственным братом лордом Джеймсом!

– Мы остановимся в Сетон-Хаусе? – спросила она его, когда они остановились у дороги, чтобы подкрепиться вином и хлебом.

– Нет, – ответил он. – Думаю, нам нужно ехать дальше. Лорд Гамильтон встретит нас в Куинсферри после того, как мы переправимся через Ферт-оф-Форт. Оттуда мы отправимся в Ниддри, в другой мой замок, где сможем отдохнуть.

Было так темно, что он не видел ее лица, но мог догадаться о его озадаченном выражении.

– Ваш побег хорошо продумали. У многих, кто присоединился к вашему брату, было достаточно времени, чтобы передумать. Регентство оказалось для них далеко не таким благом, как они надеялись, и теперь они решили вернуться к вам. Гамильтоны открыто выступают за вас; граф Аргайл, пусть он и ненадежный союзник, тоже перешел на нашу сторону. То же самое можно сказать про Эглингтона и Кассилиса. Люди в Западной Шотландии всегда оставались верны вам, и местные лорды Хэррис и Максвелл готовы принять вас в своих владениях.

Значит, люди начинают отворачиваться от лорда Джеймса! Теперь он убедился, как просто бывает соблазнять людей обещаниями до прихода к власти и как трудно потом сохранить ее. Даже лучшие правители никогда не были более любимы, чем до своего воцарения.

Они продолжили путь и на нескольких паромах, предназначенных для этой цели, переправились через залив Ферт-оф-Форт. В Куинсферри Клод Гамильтон приветствовал их во главе вооруженного отряда из пятидесяти всадников.

– Ваше величество, – произнес он. – Какая великая радость – видеть вас здесь!

Его солдаты подняли оружие, салютуя ей.

Когда они проезжали через деревни по пути в Ниддри, люди выходили на обочины и приветствовали ее. Это был настоящий радушный прием; никаких плевков, оскорблений и призывов «сжечь шлюху». Может быть, они простили ее? Она не слышала таких хвалебных кличей с тех пор, как вышла замуж за Дарнли. Вероятно, люди и впрямь простили ее и даже забыли о прошлом. Если бы только она могла забыть об их ненависти к ней!

В полночь они приехали в Ниддри, фамильный замок Сетонов, который находился нескольких милях к югу от залива Ферт-оф-Форт. Там они остановились.

– Пойдемте, ваше величество, – предложил лорд Сетон. Они проследовали во внутренний двор, а оттуда в апартаменты, предназначенные для нее. – Все готово для вас.

Мария вошла в опрятную, хорошо меблированную комнату. Она была не более просторной, чем спальня в Лохлевене, но ощущение свободы заставляло ее казаться в десять раз больше.

– Я благодарна вам от всего сердца, – сказала Мария и прикоснулась к плечу лорда.

Наконец оставшись наедине с собой, она, как во сне, огляделась по сторонам. Прошло уже очень много времени с тех пор, как она проснулась в квадратной башне в Лохлевене. Ее молитвы были услышаны; больше ей не придется спать там.

Слишком усталая для чего-либо, кроме избавления от запыленной юбки и корсажа, и благодарная за полное одиночество, она легла в постель и сразу же погрузилась в глубокий сон – лучший за последние десять месяцев.

Мария проснулась с ощущением какой-то судьбоносной перемены и несколько мгновений не могла припомнить, где она. Кровать... она выглядела незнакомой. Темные углы комнаты скрывали ее размеры. Она встала с высокой резной кровати и на ощупь добралась до окна, за которым на востоке разгорался слабый свет. Окно выходило на сушу, и вокруг не было никакой воды. Никакого острова. Ничего, кроме зеленой травы и деревьев. Потом память разом вернулась к ней: она была свободна и находилась в замке лорда Сетона.

Который теперь час? У нее не было часов, но, судя по проблескам зари, вскоре должно было взойти солнце. Скорее всего, около пяти утра. Никто еще не вставал. Мария вернулась в постель и заставила себя подождать. Немного позднее, уже одевшись, она услышала какие-то звуки за окном.

Выглянув наружу, где раньше виднелись лишь покатые зеленые холмы, она заметила толпу людей, вооруженных кольями и дубинами. Как раз в тот момент, когда она появилась в окне, один из их предводителей затрубил в охотничий рог, а другой заиграл на волынке. Чрезвычайно взволнованная, Мария выбежала из комнаты, забыв о прическе, и оказалась во дворе. Лорд Сетон, последовавший за ней, попытался остановить ее, но не успел. Как только люди увидели ее, они почтительно затихли. Потом кто-то крикнул: «Боже, благослови королеву» – и сотни голосов подхватили его клич. Слезы, подступившие к глазам Марии, на короткое время смешали все лица и краски. Тряхнув головой, чтобы прояснить зрение, она протянула к ним руки:

– Мои добрые подданные! Как я рада вернуться к вам!

При виде королевы с рассыпанными по плечам длинными волосами и в простом платье ими овладело чувство почти неземного восторга. Она, несомненно, была самой прекрасной королевой на свете, и им повезло, что это *их* королева. Потомки будут завидовать им; сыновья и дочери – просить их точно описать, как она выглядела в то утро.

– Мы умрем за вас! – кричали они.

– Я никому не позволю умереть, – ответила она. – Пусть мой брат капитулирует и сложит свои полномочия. Теперь, когда вы показали свою верность, он сделает это. Он не сможет игнорировать волю народа.

Как легко было ей, заключенной в Лохлевене, поверить в то, что она стала нелюбимой и нежеланной! Тюрьма ограждала ее от реальности, на что и рассчитывал ее брат лорд Джеймс.

* * *

Мария, переодевшаяся в более нарядное платье, полученное от родственников Сетона, сидела за столом на совещании со своими вельможами. Они оставили замок Ниддри уже на следующий день и отправились на запад, к Дамбертону. Мощная крепость на побережье оказалась единственной, остававшейся в верных руках; ее удерживал лорд Флеминг, брат Мэри Флеминг. Другие цитадели и их арсеналы – Стирлинг, Эдинбург, Данбар – находились в распоряжении лорда Джеймса. Запад Шотландии оставался в основном католическим и роялистским, поэтому по стратегическим соображениям было разумно направиться

туда. Они надеялись получить передышку и обеспечить место сбора, где остальные роялисты могли бы присоединиться к ним. Огромный клан Гамильтон, чьи наследственные права уступали лишь Стюартам, возмущало, что лорд Джеймс захватил регентство и отстранил их от участия в дележе трофеев. Теперь они составляли ядро роялистов и собирались вернуть себе былое влияние. Их территория лежала к югу от Глазго, поэтому Мария и ее спутники укрепили менее мощный замок Гамильтон и сделали его своей штаб-квартирой. Здесь могли собираться роялисты, зная о том, что твердыня Дамбертона находится лишь в двенадцати милях. Оттуда, в случае чрезвычайных обстоятельств, они могли отправиться куда угодно, как это случилось с Марией, когда ее в детстве отправили во Францию.

Теперь за длинным полированным столом восседали девять графов, девять епископов, восемнадцать лордов и множество лэрдов более низкого положения. Мария встала; теперь она снова стала королевой, окруженной своими придворными.

– Милорды, – начала она. – Я собираюсь опровергнуть мое вынужденное отречение от трона и хочу, чтобы вы засвидетельствовали это. Потом мы опубликуем мое решение. Я клянусь своей бессмертной душой и отвечу за свои слова в Судный день, что моя подпись на документах в Лохлевене получена под принуждением, путем насилия и угроз моей жизни. Тому есть свидетели: Джордж Дуглас и Мелвилл.

Она указала на них, сидевших у дальнего края стола.

– Это правда, – дрожащим голосом произнес Джордж. – Лорд Линдсей угрожал убить королеву – разрезать на куски и скормить рыбам, так он сказал.

– Я могу засвидетельствовать тот факт, что ее величество согласилась подписать документ лишь после того, как я заверил ее, что королева Англии советует ей сделать это ради спасения своей жизни, – добавил Мелвилл. – Поскольку никакой документ, полученный при таких обстоятельствах, не может считаться законным, это чистая правда.

Он приехал из Эдинбурга по первому зову и привез с собой две вещи, которые Мария так хотела получить: кольцо Елизаветы и лошадей из ее конюшни.

– Милорды, я наделяю вас полномочиями действующего парламента, и теперь необходимо, чтобы мы занялись насущными делами. – Мария кивнула архиепископу Сент-Эндрюса, хитроумному Джону Гамильтону. – Мы с архиепископом подготовили заявление, связанное со статусом регента, и хотим, чтобы вы ратифицировали его.

Архиепископ встал и прочитал зычным голосом:

– «Настоящим мы объявляем, что наше ложное отречение, добытое под угрозой для нашей жизни, не имеет никакой силы и что мы, Мария, милостью Божьей правомочная королева Шотландии, унаследовали это право, будучи законно избранными, коронованными, помазанными на царствование и наделенными всеми королевскими регалиями».

Сидящие за столом закивали и начали перешептываться.

Затем архиепископ перешел к подробному описанию злодеяний лорда Джеймса, назвав его «гнусным предателем и бастардом, зачатым в позорной внебрачной связи», и описав его сторонников как «бесстыдных палачей, адских псов, кровавых тиранов, убийц и головорезов, которых ни один правитель, даже варварский турок, не может помиловать или пощадить за совершенные ими преступления».

Люди засмеялись, но в этом смехе не было веселья. Значит, королева не собирается заключать мир со своим братом. Она окончательно отвернулась от него; он слишком часто ее предавал.

– Теперь, милорды, я хочу знать, какие сведения мы имеем о наших противниках, – сказала Мария.

Лорд Сетон встал:

– Несколько дней назад регент находился в Глазго, где проводил судебное слушание, когда до него дошла весть об освобождении ее величества. Это стало крайне неприятным сюрпризом для него.

На этот раз смех был более искренним.

– Он был один, не считая телохранителя, и, возможно, считал разумным отступить в Стирлинг, так как здесь слишком многие хранят верность королеве. Но очевидно, он решил, что лучше будет стоять на своем, чем отступать. Поэтому он встал лагерем и огласил призыв к оружию. Он требует... – Сетон развернул документ: – ...«защиты короля и наведения порядка».

Мария презрительно рассмеялась:

– Кто же ответил на его призыв?

– Киркалди ведет аркебузирова из Эдинбурга, а Эрскин собирается доставить пушки из Стирлинга. Кроме того, к нему спешит граф Мортон со своими пикинерами.

– Сколько их?

– Сейчас около двух тысяч. Когда подойдут Рутвен, Линдсей и Гленкерт, может набраться до трех тысяч.

– Ха! – Граф Аргайл презрительно фыркнул. – Одних моих горцев уже около двух тысяч. Прибавьте Гамильтонов, и у нас будет более пяти тысяч!

Внезапно Мария ощутила холодный укол страха. Ее армия была более многочисленной, но не имела полководца. Не было ни Босуэлла, ни кого-либо, кто мог бы сравниться с ним. Без Босуэлла Киркалди, лорд Джеймс и Мортон становились грозными противниками.

– Кто возглавит мою армию? – спросила она. – Кто будет моим полководцем?

– Я, – ответил Аргайл. – Я привел больше всего людей.

Гамильтон мрачно посмотрел на него.

– Дражайшая королева, – внезапно сказал лорд Хэррис. – Вы должны знать, что есть лишь два способа вернуть вас на трон: либо указ парламента, либо честный бой. Выбор за вами.

Мария посмотрела на лица своих сторонников, сидевших за столом. Красивые черты и сосредоточенность Джорджа Дугласа, простое суровое лицо лорда Сетона, спокойное мужество лорда Ливингстона...

Ей не хватало лица Босуэлла, и всегда будет не хватать его. Но другие уже пожертвовали многим, и они не подведут ее.

– Путь битва решит дело, – сказала она. Решимость и чувство цели овладели ею, устранив последние сомнения.

В следующие несколько дней под ее знаменами собралось еще больше людей; более ста младших лордов привели в ее армию своих вассалов, стражников и домашних слуг. Удивительным образом Хантли решил разделить с ней свой жребий и выступил с войском из Хайленда. Но проливные дожди запрудили реки и сделали их непроходимыми.

– Не сомневаюсь, что лорд Джеймс собирается нанести удар до прибытия Хантли, – обратилась Мария к Джорджу. – Но даже без него мы сильнее.

– Мой отец присоединился к ним, – сказал Джордж. – Сегодня он привел своих людей.

– Шпионы не дремлют, – заметила Мария, стараясь не показывать свое беспокойство. Почему важные сведения так свободно курсируют между двумя армиями? Но она знала, что Джорджу можно доверять. – Однако я рада, что он может сражаться, если в этом есть смысл.

– Да, – пробормотал Джордж. Лэрд попытался заколоть себя кинжалом, когда узнал о бегстве королевы; он мучительно переживал свое бесчестие. Однако слуги помешали ему, а теперь чувства улеглись. – Я избавлен хотя бы от этой вины... от соучастия в гибели отца.

– Шотландия пережила достаточно убийств, – сказала Мария и повернула на пальце кольцо Елизаветы. Его присутствие успокаивало ее. «У меня есть возможность отплыть во Францию, если дело дойдет до этого, или отправиться в Англию по суше», – подумала она. Оставалось лишь гадать, получила ли Елизавета ее последнее письмо, сопровождавшееся известием о дерзком побеге. До сих пор у нее не было новостей из Англии.

– ...Есть проблемы с жалованьем, – говорил Джордж. – Лорд Джеймс имеет в своем распоряжении государственную казну, золотую и серебряную посуду и драгоценности короны, а у нас ничего нет. Как мы будем платить солдатам?

– Обещаниями, – ответила она. – Как только я вернусь на престол...

– Людей нельзя накормить обещаниями, – возразил Джордж.

– Тогда еду и снаряжение нужно выдавать бесплатно. Те, кто поддерживает меня, должны согласиться с временными убытками.

– Это высокая цена, – сказал он. – Не все будут готовы заплатить ее.

– Да, я понимаю. Есть лишь очень мало таких людей, как вы, Джордж, готовых пойти наперекор собственным интересам и даже родственникам. Бедный Джордж – вы одновременно повернулись против отца и старшего брата!

– У меня не осталось выбора, – сказал он. – Но другие могут поступить по-своему.

– Не осталось выбора? – переспросила она.

– Вы хорошо знаете, что я имею в виду. Пожалуйста, не просите меня произносить эти слова.

Мария отправила Джеймсу, стоявшему лагерем в нескольких милях от нее, прокламацию с отказом от своего отречения и восстановлением в правах монарха. Она добавила, что во имя милосердия хочет получить его согласие и может примириться с ним при условии его покорности. В ответ он разорвал прокламацию и заковал ее посланца в кандалы.

Тринадцатого мая, всего лишь через одиннадцать дней после бегства Марии из Лохлеvena, все было готово к битве. Армия Марии увеличилась до шести тысяч человек даже без Хантли, в то время как силы Джеймса составляли не более трех тысяч солдат. Рано утром ее полководец граф Аргайл отдал приказ выступить на запад, обогнуть Глазго и сразиться с Джеймсом возле его цитадели в Бург-Мюире.

Мария в сопровождении Уилла Дугласа и Мэри Сетон (которой безутешный лэрд разрешил последовать за ее госпожой) заняла позицию на ближайшем холме, откуда открывался хороший обзор. Она видела, как ее армия с лордом Гамильтоном и членами его клана в авангарде движется к городку Лэнгсайд. Аргайл с основной частью войска держался позади.

Внезапно на другой стороне она заметила стремительное движение: лорд Джеймс приближался! Впоследствии выяснилось, что Джеймс посадил по два человека на одну лошадь и быстро перебросил свою армию на идеальную позицию перед Лэнгсайдом вместо того, чтобы встречаться с ее армией на плоской равнине. В ходе этого смелого маневра Киркалди расставил своих аркебузирв в садах и аллеях вокруг главной городской улицы, а Мортон и Джеймс контролировали перемещение основных войск с наблюдательного пункта на холме Лэнгсайд.

Авангард Гамильтонов вошел в город, где их продвижение замедлилось из-за того, что главная улица оказалась слишком узкой. Раздались выстрелы аркебузирв, расположенных на скрытых позициях со всех сторон, и строй нападавших смешался. Солдаты падали друг на друга, пытаясь отступить и оставляя за собой мертвые тела. Аркебузирвы выцеливали их, словно на стрельбе по мишеням, и люди ударились в панику.

Войска горцев под командованием Аргайла, наступавшие за ними, растерянно остановились, не в состоянии войти в узкий проход на подступах к городу. Они слышали стрельбу

и крики и обратились к командиру за указаниями. Потом грянул атакующий клич: лорд Хэрис возглавил атаку на холм, где расположился лорд Джеймс.

Крики в городе сменились стонами и жалобными воплями. Горцы сломали строй; они поворачивали и бежали обратно!

Мария посмотрела на вершину холма Лэнгсайд и, к своему ужасу, увидела колыбель, стоящую под знакомым знаменем с коленопреклоненным принцем. Лорды привезли маленького Якова на поле боя! Гнев и ненависть вскипели в ней. Как они посмели рисковать его жизнью?

Вероятно, его жизнь не заботила их; может быть, они даже сделали это умышленно. Тогда они смогут грустно сказать: «Мы потеряли его в бою», возлагая корону на голову бастарда Джеймса.

С мстительным криком она пришпорила свою лошадь и поскакала вниз по склону, размахивая пистолетами.

– Сражайтесь с ними! Сражайтесь с изменниками! – воскликнула она и оказалась в самой гуще людей. Убегавшие горцы едва не выбили ее из седла.

– Где ваш командир?! – крикнула она, когда увидела лошадь Аргайла без всадника. Никто не ответил – солдаты продолжали разбегаться. Потом она заметила тело, лежавшее рядом с лошастью; верный конь стоял над ним, чтобы его не затоптали. Слуга преклонил колени рядом с телом и растирал виски своему господину.

– Апоплексический припадок, – сказал он, подняв лицо, залитое слезами. – С ним случился удар в самом начале атаки.

Апоплексический припадок! Как это могло случиться именно сейчас? Неужели Бог не мог подождать хотя бы час-другой?

– Ты ненавидишь меня? – вопрошала она, обращаясь к небесам. Вокруг нее поднималась пыль от ног бегущих солдат. Она повернулась к ним и крикнула: – Стойте! Стойте и сражайтесь! Вы еще можете победить!

Град стрел обрушился на них, но следующий по старшинству откликнулся на ее призыв:

– Сражайтесь! Перестройте ряды!

– Заткнись, у тебя нет власти! – откликнулся другой человек, один из его родственников.

Оба сидели на лошадях и ругались друг с другом, пока со всех сторон от них падали стрелы.

– Позорный трус! – кричал один. – Следуй за мной!

– Да кто ты такой, студент и книгочей?! У тебя нет опыта...

– Заткнись!

Они сцепились, но тут Мария увидела лорда Хэрриса, возглавившего вторую атаку на холм Лэнгсайд. Не имея достаточно сил и подкрепления, он продержался недолго. Лорд Джеймс отбил приступ. Мария развернула лошадь и, держа пистолеты наготове, поскакала по улицам Лэнгсайда, почти надеясь найти аркебузира, скрывающегося за деревьями. «Клянусь Богом, я пристрелю его!» – думала она. Главная улица была завалена трупами.

Когда она вернулась на свой наблюдательный пункт, ее встретили лорд Ливингстон, Джордж, Уилл и сын лорда Хэрриса.

– Пойдемте, – сказали они. Она поняла, что они хотят увести ее с поля боя. – Не стоит...

– Не стоит смотреть, что произошло? – хрипло выкрикнула она. – Они не хотят сражаться! Аргайл пал, и его горцы разбежались.

С вершины холма она видела пикинеров Мортонна, нападавших на немногочисленных оставшихся Гамильтонов на другой стороне главной улицы. Последовала рукопашная схватка, и почти нечеловеческие крики ужаса разнеслись по долине.

Лорд Хэррис галопом прискакал к ним; его лошадь была вся в мыле.

– Мы проиграли, – сказал он. – Нужно отступить.

– Проиграли?

– Да. Быстрее, иначе вас снова захватят. – Он взял ее лошадь под уздцы.

Снова захватят. Значит, все было впустую. Все кончилось в течение часа. Целая жизнь за один час.

– Куда мы можем отступить, не подвергая себя позору?

– Давайте отправимся в Дамбертон. Там мы соберемся с силами и попросим Францию о помощи. – Он махнул рукой, и Мария последовала за ним вниз по склону холма. На поле боя взлетали дубины и кинжалы людей Мортон, приканчивавших тех, кто еще оставался в живых. – Не смотрите туда!

Но она смотрела. Она видела, как корчились и умирали беспомощные люди.

Через несколько минут они оставили поле боя позади и направились к Дамбертону, в сторону побережья. Им пришлось галопом скакать через поля, подготовленные для посева. Но вражеская армия не стала преследовать их. Джордж и Уилл довольно далеко отстали от них.

Неожиданно перед ними появилась группа мужчин, потрясавших серпами и мотыгами.

– Ты здесь не пройдешь, шлюха! – завопили они и бросились к лошади Марии, пытаясь свалить ее острыми лезвиями. Лошадь попятилась и встала на дыбы. Взгляды нападавших были полны ненависти; они размахивали своими орудиями, словно мальчишки, играющие в лапту на дворе.

– Взять ее! – крикнул кто-то.

Ну конечно, это же земли графа Леннокса.

Мария развернула лошадь и поскакала назад. Путь в Дамбертон был отрезан, и не осталось никакой надежды попасть туда. Они не могли проехать через Глазго, где горожане в основном поддерживали лорда Джеймса, или пересечь широкий залив Клайд, поскольку это были владения Ленноксов. Враги соорудили живую преграду вокруг ее собственной крепости.

При отступлении они с лордом Хэррисом встретили Уилла и Джорджа.

– Мы не сможем проехать в Дамбертон, – тяжело дыша, сказала Мария.

– Нужно двигаться на юг, – ответил Хэррис. – Дорога лежит через дикие места в горах и болотах Галлоуэя, но я знаю проходы, в отличие от наших преследователей. Нужно там родиться, чтобы знать их, и, слава Богу, жители тех мест все еще преданы вам. Сможете ли вы выдержать такое путешествие?

Он смотрел не только на Марию, но и на Джорджа, Уилла, лорда Ливингстона и собственного сына.

– С Божьей помощью мы сделаем это, – сказала Мария.

– Тогда вперед! – Хэррис пришпорил лошадь и повел маленький отряд через поля на юг.

Он говорил правду. Когда цветущая долина реки Дун – со звездочками фиалок, усеивавшими берега, дикими сливами в белом цвету, пастухами и стадами овец – осталась позади, они оказались среди горных троп с бурными ручьями и водопадами между темных скал. Пышная зелень заливных лугов сменилась коричневыми утесами, поросшими мхом и вереском. Небо было огромным, с неторопливо проплывавшими облаками, которые отбрасывали тени на склоны ущелий. К началу вечера облака сгустились и потемнели, а в воздухе повисла тонкая изморось, оседавшая на одежде и делавшая ее влажной. Им приходилось внимательно смотреть под ноги на скользких камнях.

Даже более ровные места изобиловали опасностями: в невинно выглядевших зарослях вереска и осоки скрывались глубокие овраги. Они шли по тропам и перевалам Гленкенса, горной долины вокруг холодной реки Кен, впадавшей в озеро десятимильной длины.

Мария одновременно видела и не видела все это. Ей и раньше приходилось делать такие вещи; в ее жизни было немало безумных скачек, обычно по ночам или с преследователями, готовыми настичь беглецов. Она путешествовала по опасным болотам и перевалам в поездках по Приграничью и однажды даже угодила в трясины. Но тогда все было по-другому. Босуэлл так или иначе находился где-то рядом. Никогда еще она не испытывала приближения конца – последней отчаянной попытки найти выход. Раньше она всегда имела какой-нибудь пункт назначения: Инчмахоум, Данбар, Эрмитаж, Кинросс. Теперь она не имела представления, что делать дальше, и любое место, куда она направлялась, представлялось не целью, а возможным укрытием, где она выступала в роли просительницы.

Они ехали вдоль западного берега реки Кен, теперь уже значительно медленнее из-за усталости. По словам лорда Хэрриса, они приближались к большому озеру. Тонкая изморось сменилась дождем, и видимость заметно ухудшилась. Внезапно Хэррис остановился и указал в сторону озера. Мария тоже остановилась и посмотрела туда. За пеленой дождя она едва могла различить силуэт замка на берегу озера.

– Замок Эрлстоун, – сказал Хэррис. – Он принадлежал лорду Босуэллу.

Принадлежал, а не принадлежит...

– Возможно, там мы сможем найти убежище. Не знаю, кто сейчас удерживает замок, но там могли остаться его верные слуги.

Глаза Марии наполнились слезами, но она сердито смахнула их. Босуэлл никогда не упоминал об этом замке, который, по-видимому, не принадлежал к числу его любимых мест. Но может быть, *может быть*, это знак его заботы о ней, которую он всегда проявлял каким-то непостижимым способом.

– Да, – согласилась она. – Давайте попробуем.

Они обогнули озеро и направились к старому замку. Внутри не теплился ни один огонек.

– Это был замок Синклеров, – пояснил Хэррис. – Он принадлежал матери лорда Босуэлла.

Но кто обитает в нем сейчас? Мать Босуэлла жила в Морэме. Когда они подъехали ближе, то увидели пустой двор, утопавший в грязи. Там они остановились и сгрудились под проливным дождем. Наконец лорд Хэррис спешился и направился к крыльцу, увязая в грязи. Он отряхнул глину с сапог и медленно поднялся по ступеням. Еще до того, как он подошел к двери, Мария тоже спешила и последовала за ним, высоко подобрав юбки. Хэррис подождал ее возле старинной деревянной двери, обитой железом; должно быть, она относилась ко временам Роберта Брюса⁴.

Мария постучала. Сырое дерево приглушило звук; тогда она ударила сильнее, так что они услышали гулкое эхо внутри. Не слышалось ни лая псов, ни голосов слуг, ни ржания лошадей, ни мычания коров. Лишь тогда она поняла, какая тишина стоит в замке.

Замок был брошен и заперт. Она принялась лихорадочно колотить в дверь. Там должен быть кто-то, должен... Этот замок принадлежал Босуэллу, ее защитнику.

– Не оставляй меня на растерзание врагам! – умоляла она его. Лорд Хэррис изумленно посмотрел на нее. Потом он понял, к кому она обращается.

⁴ Роберт Брюс – король Шотландии с 1306 по 1329 год, один из величайших шотландских монархов, организатор обороны страны в начальный период войны за независимость против Англии, основатель королевской династии Брюсов (*примеч. ред.*).

– Пойдемте, ваше величество, – сказал он и надел ей на голову упавший капюшон. Ее волосы промокли, и по щекам сбегали струйки воды.

«Ты должен быть там!» – прошептала Мария, прижавшись лицом к двери. Но замок ответил мертвым молчанием. Она начала всхлипывать, как ребенок, прислонившийся к сырому дереву.

«Его нет, и все закончилось. Не осталось ничего, кроме смерти и пустоты внутри, снаружи и повсюду вокруг меня, навсегда и навеки».

– Если хотите, мы можем стать лагерем здесь, во дворе, – предложил Хэррис. Мария в ужасе покачала головой.

– Нет, давайте уйдем отсюда. – Она сбежала по лестнице и быстро прошла через двор, не обращая внимания на то, что ее юбки волочатся по грязи. Потом она вскочила в седло и крикнула: – Мы уезжаем!

Джордж попытался заглянуть в ее покрасневшие глаза, но она смотрела прямо перед собой и, словно одержимая, пришпорила в темноте лошадь.

Примерно в шестидесяти милях от поля битвы Мария наконец спешила и позволила остальным разбить лагерь. Они отдохнули не более трех часов до восхода солнца, слабо светившего сквозь густой туман. У них не было еды, а единственным питьем служила ледяная вода из озера.

– Мы направимся вниз по реке Ди, – сказал Хэррис, указывая на речку, вытекавшую из озера Кен и петлявшую среди камышей и кувшинок.

Они не отдохнули как следует, но по крайней мере могли двигаться вперед. Пропитанные влагой берега Ди постепенно становились более зелеными, когда утесы и возвышенности остались позади и они приблизились к долине Тарф.

В Тонглэнде они подъехали к маленькому деревянному мосту, построенному еще во времена Роберта Брюса. Когда они выехали на другой берег, Хэррис остановился.

– Разружьте мост, – велел он мужчинам. – Это задержит преследователей.

– Мы можем пощадить эту реликвию? – устало спросила Мария. – Неужели все должно быть разрушено?

– Нет, – ответил Хэррис.

Джордж Дуглас и лорд Ливингстон спешили и начали мечами рубить мост. Мария отошла в сторону, стараясь унять головокружение. Она слышала глухие удары и треск ломавшегося дерева, но звуки доносились как во сне. «Мне нужно поесть», – подумала она и тут же устыдилась, что проголодалась раньше остальных.

Перед ней в поле стоял фермерский домик, сложенный из камней без раствора и освещавшийся лишь через крохотные окна. Из дыры в соломенной крыше поднимался дымок. Пошатываясь, она добралась до двери, оперлась на косяк и тихо спросила:

– Кто-нибудь есть дома?

Она слышала потрескивание дров в очаге. Пожилая женщина, похожая на ту, которую когда-то посетил Босуэлл на болоте, шаркая, подошла к двери и посмотрела на нее.

– Пожалуйста... у вас есть еда? – спросила Мария.

– Нет, – ответила женщина. Ее голос звучал так хрипло, как будто ей повредили горло. – Никакой еды. – Она потеряла живот, словно в доказательство своих слов.

– Совсем ничего? – Как может быть, что некоторым ее подданным нечего есть? Мария вспомнила жидкий бульон в хижине у других стариков.

– Заходите, – вместо ответа сказала женщина. – У вас ужасный вид.

Она жестом пригласила Марию войти и придвинула табурет. Мария села и окинула взглядом маленькую комнату. Женщина открыла буфет и начала что-то смешивать, потом положила это в чайник и так долго держала над тлеющими углями, что это показалось веч-

ностью. Наконец она повернулась к Марии, вручила ей миску и ложку и вылила в миску содержимое чайника.

– Вот. – Женщина протянула ей маленький кувшин молока.

Овсянка. Это была овсянка. Мария налила в жидкую кашу немного молока и попробовала. Молоко оказалось прокисшим.

– Это все, что у меня есть, – сказала женщина.

Действительно, в буфете не было ничего, кроме мешочка с овсянкой. Мария благодарно кивнула и быстро опустошила миску.

– Хотите еще? – ласково спросила женщина, хотя это бы полностью истощило ее запасы. Мария изумилась ее щедрости. Для этой женщины она являлась лишь болезненного вида незнакомкой.

– Вы очень добры, – поблагодарила она. – Спасибо, мне уже хватит.

В следующий момент Хэррис распахнул дверь домика.

– Ваше величество! – воскликнул он. – Почему вы не сказали... – Он замолчал при виде женщины, с ужасом смотревшей на него.

– Да, я королева, – обратилась к ней Мария. Женщина что-то пробормотала и перекрестилась. – Я нахожусь под защитой моих добрых слуг. Но у меня не было лучших слуг, чем обычные люди, живущие в этой стране, такие, как вы. Сегодня вы оказали мне огромную услугу, гораздо большую, чем можете представить. Какую награду вы хотите? Скажите, и вы получите ее.

– Нет... мне не нужна награда, – ответила женщина.

– Именно поэтому вы получите ее, – настаивала Мария. – Пожалуйста, скажите, и побыстрее; я не могу долго оставаться здесь.

– Ну, я... я хочу владеть этим домом и участком, – выпалила женщина. – Наша семья уже несколько поколений живет здесь, но мы всего лишь арендуем все это.

– Лорд Хэррис, вы правитель здешних мест. Может она получить дом и участок?

– Разумеется, – ответил он. – Я от всей души дарю их.

Когда Мария воссоединилась со своими спутниками у разрушенного моста, ее внезапно охватило странное желание.

– Дайте мне кинжал, – приказала она Джорджу. Тот с озадаченным видом протянул кинжал. Она распустила волосы, упавшие ей на плечи. Они доходили почти до талии.

– Прошу вас, отрежьте их, – попросила она и протянула кинжал. – Я не могу сама сделать это.

– Нет, ваше величество! – воскликнул Уилл. – Вы не должны!

– Я так хочу, – настаивала Мария. – Делайте, как я говорю.

– Но... почему? – Голос Джорджа дрожал от боли.

– Нас преследуют. Теперь я знаю, что могу скрываться среди обычных людей, но лишь в том случае, если не буду похожа на королеву. Я ничего не могу поделать со своим ростом, зато волосы...

– Они прекрасны, – настаивал Джордж. – Не нужно губить их.

– Почему волосы лучше, чем этот мост? Старинный мост нельзя восстановить, а волосы могут отрасти. Я приказываю вам, режьте!

Джордж с грустью подчинился и обрезал густую волнистую мантию, которая некогда являлась предметом ее величайшей гордости. Мария взяла отрезанные волосы и уложила под сломанные доски и перила моста, тщательно прикрыв их. Со странно отрешенным видом она вернулась в седло.

«Посмотри на наши жертвы, – подумала она. – Посмотри на самые драгоценные вещи, с которыми мы расстаемся».

– Мы поедем ко мне домой, в Терглес, – сказал Хэррис. – Но боюсь, придется выбрать окружной путь, чтобы обойти крепости Мортон: замок Дуглас и замок Трив.

– Это не имеет значения, – ответила Мария, и это действительно не имело никакого значения для нее. Не оглядываясь, она повернула на восток.

Той ночью они спали в поле, а утром продолжили путь. Однако они пробуждали слишком большое любопытство у фермеров и наемных крестьян в этом более населенном районе, поэтому решили отдыхать днем и перемещаться только по ночам.

Терглес-Хаус возле Дамфриса оказался гостеприимным местом, где они наконец смогли нормально поесть. Хэррис удостоверился, что окрестности действительно кишат преследователями и шпионами, а также получил известие о том, что архиепископ Сент-Эндрюса и другие выжившие из королевской армии направились в аббатство Дандреннан, что дальше на юге, у залива Солуэй.

– Мы тоже можем направиться туда, – сказал он. – Мой сын – командор этого аббатства. Давайте отдохнем здесь, а потом присоединимся к ним.

– Да, – ответила Мария. – Какие бы новости они ни сообщили, я смогу это вынести.

Они приблизились к Дандреннану туманным утром пятнадцатого мая, через год после свадьбы Марии и Босуэлла. В отличие от аббатств Юго-Восточной Шотландии, этот старинный цистерцианский монастырь остался в целостности и сохранности. Мародеры из английской армии не вторгались сюда, и сводчатые галереи вместе с прекрасной часовней как будто мирно дремали посреди зеленой долины.

Здесь, в объятиях прошлого, Мария чувствовала себя в безопасности. Но в отличие от женского монастыря ее тети Рене, где она искала душевного спокойствия в другие трудные времена, этот был лишь отголоском прежней религии. Сейчас здесь не осталось монахов; монастырь секуляризировали и отдали в распоряжение лорда Хэрриса. Лорды велели Хэррису разрушить часовню и сводчатые галереи, но он отказался по личным причинам. Каковы бы они ни были, Мария испытывала благодарность к нему.

Их приветствовал Эдвард, сын лорда Хэрриса, предложивший сытный обед. Беглецы ели быстро, и вскоре на столе не осталось ни крошки. Тушеная баранина и простой хлебный пудинг показали им настоящим чудом.

Потом к ним подошли другие изгнанники. Лорд Клод Гамильтон сообщил горестные новости: на поле боя осталось больше ста убитых, в основном Гамильтонов, которые приняли на себя главный удар из засады на улицах Лэнгсайда. Более трехсот людей королевы попали в плен, включая лорда Сетона, которого к тому же тяжело ранили.

Джордж Сетон! Мария с трудом могла поверить в то, что храброго Сетона взяли в плен.

– Мой жребий омрачен кровью, – наконец произнесла она.

Пришел лэрд Лохинвара, у которого ей пришлось в очередной раз позаимствовать женскую одежду. Лорд Бойд, избежавший резни, добрался до Дандреннана, как и лорд Флеминг, оставивший замок Дамбертон в надежных руках своего заместителя. Тихо всхлипывая, Мария упала в его объятия. Это была скорбная встреча проигравших и павших духом.

– Вечером мы устроим совет в старом доме собраний капитула, – сказала Мария. – Там будут все, а не только лорды.

Свет косо падал в окна с ажурной каменной резьбой, где переплетались листья и королевские лилии. Именно здесь, в доме капитула, монахи ежедневно собирались для чтения главы из монастырского устава. Место аббата находилось прямо под окном, а каменные

сиденья в стенных нишах предназначались для остальных. Сейчас там расположились двадцать пять соратников королевы; сама она занимала место аббата.

«Итак, мы собрались здесь, – думала она, – последние защитники моей власти, оттесненные к побережью Шотландии и одетые в обноски».

Тем не менее она никогда так не гордилась своими подданными и не чувствовала себя такой любимой, как в этом зале, где собрались ее верные сторонники.

– Мои дорогие подданные, – начала она. – Я удручена событиями при Лэнгсайде, скорблю по павшим, но благодарна за то, что Бог в Своей милости пощадил вас и привел сюда. Теперь я должна посоветоваться с вами. Что теперь нужно делать? Какой совет вы можете дать? Говорите откровенно.

Лорд Хэррис встал первым.

– Ваше величество, это не последняя битва, – сказал он. – Вы должны дожидаться своего часа и собираться с силами для нового сражения. Я лично могу обещать, что здесь вы будете в безопасности и под моей защитой по меньшей мере сорок дней. Это даст время для того, чтобы перестроить наши ряды и заручиться поддержкой Гордонов.

Потом встал лорд Клод Гамильтон:

– Могу лишь добавить, что вам нужно отступить в более надежную крепость, которая может выдержать осаду. В остальном я согласен с лордом Хэррисом.

Мария остро чувствовала, что все взгляды прикованы к ней. Люди смотрели на ее короткие волосы. Она провела рукой по голове; неужели она в самом деле выглядит так уродливо? После бегства она еще ни разу не смотрелась в зеркало.

– Как я могу оставаться здесь, когда так трудно разобраться, кто еще до сих пор верен мне? – спросила она.

– Ваше величество, вам будет лучше отправиться во Францию, – заговорил лорд Ливингстон. – Там вы сможете действовать без оглядки на местные обстоятельства. У вас есть поместья и доход вдовствующей королевы. Там живут ваши родственники, и вы остаетесь невесткой короля, который всегда любил вас.

– Никогда! – воскликнула Мария. – Я не могу вернуться безземельной изгнанницей в страну, где когда-то правила как королева. Это слишком позорно!

– Но ваше величество, ведь вы любите Францию, – возразил Джордж. – Вы любите французов и французский язык. Там вы быстро соберетесь с духом и...

– Больше ни слова! Я не хочу этого слышать!

Люди вокруг нее выглядели искренне потрясенными. Франция фигурировала в любых планах и расчетах; она считалась главной гарантией безопасности и последним надежным убежищем. Некоторые из присутствующих уже имели предварительные договоренности о том, чтобы при необходимости отправиться во Францию вместе с королевой.

– Тогда... что же еще можно сделать? – тихо спросил Джордж. – Вы не хотите остаться и не хотите уехать. Нужно выбрать что-то одно.

– Я отправлюсь в Англию, – сказала она. – Вот мой ответ.

– Нет, ваше величество! – воскликнул Хэррис. – Ни в коем случае! Как вы могли даже подумать об этом?

– Меня изумляет, что никому из вас даже не пришло это в голову, хотя это очевидно. Англия – единственная страна, выступавшая в мою поддержку во время моего заключения. Елизавета угрожала лордам, и, думаю, только ее вмешательство спасло мне жизнь. Она отказалась признать регента и назвать принца Якова королем. Она моя кровная родственница и связана со мной узами чести.

– В Англии вам угрожает опасность, – сказал Ливингстон. – Разве вы забыли, что Якова I держали там в плену целых двадцать пять лет? Разве вы забыли, что ваш собственный отец

отказался ехать туда на переговоры, поскольку считал это слишком опасным? Англичанам нельзя доверять.

– Елизавета – это не Эдуард I и не Генрих VIII. Как и я, она женщина, которая сама подверглась несправедливому заключению. Она доказала свою дружбу в самые трудные времена. Я должна верить своей интуиции, а она говорит, что это правильное решение.

– Прошу прощения, ваше величество, но когда-то вы говорили то же самое о вашем намерении выйти замуж за лорда Дарнли, – выпалил лорд Флеминг. – Чувства могут обманывать нас, в отличие от фактов.

– Я тронута вашей заботой, но, в конце концов, я должна самостоятельно принять решение.

– Тогда нам придется просить вас подписать документ, освобождающий нас от ответственности за это решение, где будет сказано, что мы возражали против него! – воскликнул Джордж.

– Хорошо, если хотите, – удивленно ответила она. – Есть еще одно обстоятельство, которое трудно объяснить. Истина в том, что Англия и Шотландия когда-нибудь объединятся под властью моего сына Якова. Я знаю это, и Елизавета тоже. В конце концов, наши страны не такие уж разные.

Мария смотрела на закат над заливом Солуэй, отделявшим Шотландию от Англии широким клином, который постепенно сужался и замыкался примерно в сорока милях к востоку, рядом с тем местом, где армия ее отца потерпела сокрушительное поражение в битве при Солуэй-Моссе.

«Говорят, эта новость убила его, – подумала Мария. – Что ж, я не поеду туда, а отправлюсь водным путем. Морские путешествия всегда приносили мне удачу».

За широкой гладью воды она попыталась разглядеть противоположный берег.

– Это Англия? – спросила она лорда Хэрриса, стоявшего рядом с ней на вершине холма над заливом.

– Нет, сегодня вы не можете увидеть Англию. Для этого нужна исключительно ясная погода. Здесь нас разделяет более двадцати миль открытой воды, так что, пожалуй, вы видите багряные облака.

– Ох! – Мария была разочарована. – Дорогой лорд Хэррис, вы отправите мои верительные грамоты? Какой лорд или чиновник управляет этой частью Англии?

– Лоутер исполняет обязанности представителя губернатора в Карлайле, и я должен обратиться к нему. – Его голос звучал мрачно. – Герцог Норфолкский – главный из северных пэров, но есть и менее значительные, такие, как граф Нортумберлендский и граф Уэстморлендский. Оба они поддерживают католиков и с радостью примут вас.

– У вас такой грустный голос, – сказала она. – Пожалуйста, не надо. Я получила указание свыше и знаю, что поступаю правильно.

Солнце зашло, и вода приобрела темно-пурпурный оттенок. Возле них с тихим плеском струились воды речки Эбби-Берн, впадавшей в залив Солуэй.

– Иногда злые духи вводят нас в заблуждение, – проговорил он. – Сатана может принимать приятный облик, похожий на светлого ангела. Он способен обманывать нас и заставляет поверить, что наши побуждения исходят от божественного.

– Я отправляюсь во имя мира, – сказала Мария. – Чего бы ни хотел дьявол, у него нет мирных намерений.

Хэррис покачал головой:

– Я не утверждаю, что знаю о дьяволе так же много, как некоторые, но уверен, что он бродит среди нас и часто остается незамеченным.

– Пожалуйста, напишите письмо до завтрашнего утра, – твердым голосом попросила Мария.

После дальнейших увещеваний и споров со своими спутниками Мария наконец осталась одна и гуляла по пустой церкви аббатства. Она настояла на своем, и они послушно удалились, оставив ее в покое. Огромные каменные колонны в безмолвном нефе напоминали рукотворные деревья; их арки, парившие в воздухе, терялись во тьме. Внутри пахло сыростью и заплесневелым мхом. Аббатство, как и все старинные церковные сооружения в Шотландии, находилось в запущенном состоянии и нуждалось в ремонте. Стена в нескольких местах пошла трещинами, через которые сочилась вода.

В небе сиял полумесяц, дававший достаточно света для того, чтобы разглядеть контуры алтаря, каменных ниш и заплесневевшей деревянной ширмы, некогда отделявшей монашеский притвор от мирских братьев. Цистерцианцы. Белые монахи. Марии казалось, что она видит их туманные силуэты между рядами скамей и колонн, тени, пришедшие из какого-то сказочного царства, из времени, предшествовавшего религиозным распрям и войнам.

О мирные монахи... Ей хотелось прикоснуться к ним, но она знала, что они исчезнут. Разумеется, они не были реальными.

«Это всего лишь расстроенные нервы и смешанные чувства, которые заставляют меня видеть призраков в лунном свете. Если бы на самом деле Господь наделил меня даром провидения, то я бы увидела гораздо больше. Я смогла бы предсказывать будущее, которое остается темным и скрытым от меня».

Она вышла из южной двери и направилась к галерее, сводчатой каменной аркаде, где в плохую погоду прогуливались монахи. Лунный свет посеребрил траву на лужайке внутреннего двора. Каждая сводчатая секция отбрасывала черную тень на серебристую землю, образуя четкий узор, похожий на чередование черных и белых плиток в замке Шенонсо.

Шенонсо. Как много призраков сегодня ночью!

Из галереи за церковью она могла видеть монастырское кладбище, где простые надгробия стояли как загадочные каменные круги в Северной Шотландии и Бретани, предположительно связанные с магическими обрядами давно ушедших народов.

Быстро бегущие облака на короткое время закрыли луну и унеслись дальше. Призрачные галеоны. Босуэлл называл их призрачными галеонами, вспомнила она. По его словам, это были души моряков, обреченных вечно скитаться по небу по воле ветра.

Босуэлл, который навсегда останется моряком, чье сердце принадлежит морю.

«Я не могу смотреть на воду и не вспоминать о тебе, – думала она. – Вероятно, поэтому я хочу отправиться в Англию водным путем, как будто ты морской бог, который поможет мне. О муж мой, где ты сейчас? Год назад мы с тобой провели первую брачную ночь».

В лунном свете она видела ажурную белизну цветущего сада аббатства. Ряды деревьев походили на стройных девушек, наряженных в кружева и ожидавших начала танцев. От них доносился тонкий, смутно знакомый аромат, напоминавший благоухание юности и наполненный сладостными обещаниями. Мертвые монахи спали в своих могилах.

«Где ты? – с пронзительной грустью думала она. – Можешь ли ты видеть луну, которую вижу я? Следует ли мне отправиться в Англию? Ты единственный, чье мнение я хотела бы узнать. Ты единственный, кто мог бы остановить меня. Если правда, что души людей могут беседовать на расстоянии, разделенные сушей и морем, поговори со мной сегодня ночью и посоветуй, что мне делать. Поговори со мной во сне или в моих мыслях, и я сделаю так, как ты велишь. Поговори со мной, любимый муж».

Мария окунула перо в чернила и начала писать.

«Дандреннан, 15 мая 1568 года.»

Великой и могущественной королеве Елизавете

Дражайшая сестра, Вы уже большей частью осведомлены о моих несчастьях, но те из них, которые побуждают меня обратиться к Вам сейчас, произошли совсем недавно и еще не могли достичь Вашего слуха. Поэтому я должна познакомить Вас с ними так кратко, как только могу. Некоторые из моих подданных, которым я более всего доверяла и которым оказала наивысшие почести, ополчились на меня и крайне недостойно обошлись со мной. Благодаря неожиданной помощи Господь избавил меня от жестокого заключения, в котором я находилась.

Но с тех пор я проиграла битву, в которой большинство из тех, кто сохранил верность мне, пали у меня на глазах. Теперь меня вытесняют из моего королевства и побуждают к таким отчаянным мерам, что после Господа у меня не остается другой надежды, кроме Вашего доброго расположения. Поэтому я умоляю Вас, дражайшая сестра, препроводить меня в Ваше присутствие, где я подробно ознакомлю Вас с моими обстоятельствами.

Между тем я молю Бога осыпать Вас всеми небесными благословениями и даровать мне терпение и утешение; последнее же я более всего надеюсь получить с Вашей помощью.

Напоминая о причинах, по которым я уповаю на помощь из Англии, я посылаю королеве Англии это кольцо, знак обещанной дружбы и содействия.

Ваша любящая сестра, М. Р.».

Она медленно сняла с пальца алмазное «кольцо дружбы». Пришло время вернуть его владелице, время исполнить старое обещание.

Солнце уже встало, когда Мария наконец запечатала письмо. Она не получила никаких известий или указаний во сне или наяву. Босуэлл так и не пришел к ней. Ей снилось что-то невразумительное и трудно припоминаемое. Она молилась о своем решении, но в конце концов стало ясно, что нужно двигаться дальше.

Англии и Шотландии было суждено объединиться под властью ее сына. Ее решение поможет закрепить это понимание и положит конец дурным предчувствиям и подозрениям о ее собственных намерениях по отношению к английской короне. Когда Елизавета примет ее, самым главным будет признание Якова ее наследником.

«В Англии я обрету надежное убежище и смогу беспрепятственно принимать моих подданных. Мой выбор также убедит Елизавету, что у меня нет намерения приводить на нашу землю чужезмцев, в том числе и французов. Я предпочла им Англию».

Мария отправила свое письмо вместе с тем, которое предназначалось для Лоутера. Пройдет еще несколько дней, прежде чем они будут доставлены по назначению, а потом неведомо сколько времени до получения ответа. Мария стояла на маленьком причале возле устья Эбби-Берн, где монахи в старину торговали с Англией и Ирландией, и наблюдала за судном, выходящим на открытую воду. На окрестных лугах паслись стада и пели птицы.

Внезапно ее охватило желание немедленно приступить к действию. Оно было таким сильным и неожиданным, что казалось знамением, ниспосланным свыше.

«Отправляйся сейчас, – убеждал ее внутренний голос. – Не жди ответа. Промедление опасно. Элемент случайности играет тебе на руку. Если ты окажешься в Англии, им придется дать тебе пропуск. В конце концов, думала ли ты о том, что будешь делать, если на твое письмо ответят отказом? Ты должна стать хозяйкой положения. Ты решаешь, что нужно сделать, а они пусть приспособятся к твоему решению. Интуиция еще никогда не подводила тебя. Отправляйся сейчас!»

– Когда будет следующий прилив? – спокойно обратилась она к Хэррису. Суда могли отчаливать только во время прилива, так как при отливе обнажались длинные илистые отмели.

– Через три часа, – ответил он.

– Найдите мне судно, – сказала она. – Я хочу переправиться сегодня днем.

Хэррис посмотрел на нее как на сумасшедшую:

– Нет!

– Я поняла, что это будет правильное решение. Я сделала выбор, и вы должны слушаться меня.

Они шли вдоль берега Эбби-Берн, протекавшей между ясеневыми и платановыми рощами на протяжении двух миль перед впадением в залив Солуэй. Все молчали, как будто отпраивались на похороны. Только Мария чувствовала себя легко и спокойно.

Около двадцати человек настояли на том, чтобы сопровождать ее, исполненные решимости защищать ее и разделить ее участь. Разумеется, среди них были Джордж и Уилл, но также лорд Ливингстон, лорд Флеминг, лорд Клод Гамильтон, лорд Бойд и лорд Хэррис со своими слугами.

Лорд Хэррис нанял простую рыболовную барку, которая обычно использовалась для перевозки угля и извести через Солуэйский залив, и она ожидала их у причала. Судно выглядело довольно ветхим и побитым штормами. Мария без комментариев осмотрела его, потом в последний раз оглянулась на поля и аббатство, силуэт которого вырастал на фоне синего неба. Не затягивая прощание с Шотландией, она взошла на борт.

– Пойдемте, – обратилась она к своим спутникам. Они выстроились в очередь на причале и молча последовали за ней. Когда все оказались на борту, судно сильно осело.

Те, кто остался на берегу, выглядели несчастными и покинутыми. Внезапно архиепископ Сент-Эндрюса вошел в воду и ухватился за край борта.

– Не уезжайте! – горячо произнес он. – Дорогая леди, я вас умоляю! Это безрассудство! Вас ждет несчастье!

Мария скованно улыбнулась и жестом показала капитану, что пора отчаливать.

– Вы испортите парадную ризу, – сказала она.

Барка начала двигаться, покачиваясь на мелких волнах у слияния вод реки и залива. Архиепископ продолжал цепляться за борт и пытался остановить дрейф, но течение было сильнее, и судно тащило его за собой.

– Остановитесь! Вернитесь, пока еще не поздно!

Костяшки его пальцев побелели от напряжения.

– Прощайте, дорогой архиепископ, – произнесла Мария. – Скоро я вернусь в Шотландию, когда королева Англии вернет меня на трон. Мы встретимся через несколько недель. Прошу вас, пожалейте ваше облачение.

Архиепископ уже по грудь находился в воде.

– Мне наплевать на него! – крикнул он, но судно вырвалось из его хватки и направилось к открытой воде. Не в силах пуститься вплавь, он стоял в холодной воде и смотрел вслед до тех пор, пока барка не исчезла из виду.

Море, которое могло таить в себе опасность в этих местах, сегодня было спокойным и приятным. Легкий попутный ветер увлекал их в сторону Англии. Все знамения были благоприятными. Мария обернулась, чтобы еще раз посмотреть на отступающий вдаль берег Шотландии.

– В Англию, с легкой душой и радостью в сердце! – сказала она громче, чем было необходимо.

Переправа заняла около четырех часов. В семь вечера они вошли в гавань небольшого рыбацкого поселка Уоркингтон. Когда они причалили, Мария заметила, как необычно выглядят камни на пляже: все они имели форму яиц разного размера и радужную расцветку – голубую, кремовую и розовато-коричневую. Она смотрела на них, как будто это доказывало, что Англия в самом деле отличается от Шотландии. Когда Мария сошла на берег, то оступилась и упала на колени, так что смогла рассмотреть камни с близкого расстояния. Она взяла пригоршню и встала.

– Это благоприятный знак, – громко заявил Хэррис. – Королева пришла, чтобы завладеть Англией.

Ответом было смущенное молчание. Вокруг начали собираться любопытные рыбаки.

– Нет, это не так, – ответила Мария. – Я пришла не для того, чтобы завладеть этой землей, а лишь для того, чтобы восстановить свои законные права в Шотландии.

Как Хэррис мог сказать такое? Что, если его слова повторят перед Елизаветой?

Все больше людей собиралось на пляже. Наступил воскресный вечер, и после дневного отдыха люди радовались недавно наступившей теплой погоде. Но пора было объявить о своих намерениях.

– Где живет сэр Генри Карвен? – спросил Хэррис. – Я привез из Шотландии наследницу, которую мы надеемся выдать замуж за его сына. Прошу вас, добрые люди, направьте меня к его дому.

Рыбаки обменялись между собой несколькими фразами.

– Он живет в Уоркингтон-Холл, к востоку от города. Пойдемте, мы покажем вам дорогу.

Все это время Мария оглядывалась по сторонам в надежде увидеть что-либо необычное или символизирующее ее недавнее решение. Но это был обычный рыбацкий поселок с обычным причалом. Весенний вечер тоже выдался вполне обычным. Все знамения, мольбы и предостережения в этот момент казались совершенно незначительными.

«Англия. Я переправилась в Англию, – думала она. – Это английская земля. Наверное, я должна испытывать такие же чувства, как Цезарь, когда он перешел Рубикон. Но я... я вообще ничего не чувствую».

Сэр Генри Карвен, старый знакомый лэрда Хэрриса, находился в Лондоне, но его семья тепло приняла беглецов. Оказавшись в доме, Мария наконец назвала себя и с облегчением обнаружила, что члены этой католической семьи едва ли не трепетали от восхищения перед ней. Они жаждали исполнить любое ее желание и с обожанием смотрели на нее. Она спросила Хэрриса, нет ли у него какого-нибудь маленького подарка, который она могла бы оставить им на память. У него нашлась лишь агатовая чашка, которую он привез из Дандреннана, но они приняли ее как священную реликвию.

Мария была не готова к такому преклонению. Почему они относятся к ней, как к богине? Из всех неожиданностей, с которыми ей пришлось столкнуться за последние несколько недель, эта стала одной из самых неожиданных. Но это давало ей надежду и ощущение, что все будет хорошо.

Переход от «шлюхи» к «богине» кружил голову.

Тем вечером она попросила бумагу и перо. Леди Карвен принесла ей лучшую веленевую бумагу, какая имелась в доме, и подарила книжку с пустыми страницами в кожаном переплете.

– Это для вас, чтобы вы иногда вспоминали о нас. Мой кузен, преданный сын церкви – нашей церкви, – сам выделал эту кожу и сделал переплет.

– Благодарю вас.

– О, мы рады услужить вам! Если бы вы только знали... о, если бы сэр Генри был здесь! Мы ваши величайшие поклонники! – Она попятилась и вышла из комнаты, качая головой, как кукла.

Мария почти забыла, каково это – испытывать на себе безмерное восхищение других людей, но теперь оно казалось таким же далеким, как и проклятия на улицах Эдинбурга. И то и другое являлось неким символом, а человек внутри этого символа ходил, дышал и спал, словно облаченный в невидимые доспехи.

Теперь Елизавете официально сообщат о ее прибытии. Мария аккуратно расправила лист бумаги. Больше не будет рисунков углем на носовом платке.

Она начала писать. Нужно все объяснить Елизавете. Мария начала с Риччио, и, по мере того как воспоминания возвращались к ней, письмо становилось все более пространным. Ей казалось, будто она уже стоит перед Елизаветой и та слышит ее слова, словно они связаны друг с другом симпатической магией.

Королева в изгнании 1568–1587

III

Елизавета сидела перед открытым окном в Гринвиче, пытаясь заниматься двумя вещами одновременно. Ее советники утверждали, что на самом деле она может в одно и то же время делать четыре вещи: слушать собеседника, писать письмо, составлять планы и говорить от себя. Она поощряла их так думать, словно от этого в их воображении становилась более грозной; они напоминали ей маленьких детей, верящих, что у матери есть «глаза на затылке», которые могут увидеть, как они крадут сахар. Но сегодня ей с трудом удавалось заниматься даже двумя вещами: смотреть в окно на суда, стоявшие на якоре у берега Темзы, и сочинять письмо своей родственнице, королеве Шотландии, которая не переставала удивлять ее. Легкий бриз задувал в открытое окно, а запах воды манил. Только королева может оставаться в своих покоях в чудесный весенний день. Все нормальные люди гуляют на свежем воздухе, наслаждаясь майским солнцем и запахами распаханной земли. Ладно, когда письмо будет закончено... Она велит подать баржу, и они с Робертом совершат речную прогулку. Они будут петь песни и окунать руки в воду. Песни всегда лучше звучат на улице, где даже банальные вирши кажутся нежными и оригинальными.

Она вздохнула. Теперь что касается письма...

Королева Шотландии бежала из Лохлеvena! Очередной отважный и дерзкий поступок. Нельзя было не восхищаться ею. Она обладала мужеством и упорством и, казалось, всегда находила сочувствующих, даже среди тюремщиков. Это любопытно. Она сделала врагами собственных советников, но ее охранники становились ее друзьями. Но что это говорит о ней как о человеке? Может ли она сместить регента? Можно ли отменить помазание ее сына? Слава Богу, что в своей обычной неторопливой манере Елизавета долго тянула с признанием нового короля. Теперь она могла ждать и смотреть на развитие событий.

«Они упрекают меня в этом, все они – Сесил, Роберт и Норфолк, – думала она. – Они не ценят мою осторожность и неспешность. Но эта черта довольно часто служит мне так же хорошо, как и решительные действия».

Ветер наполнял паруса кораблей, стоявших на якоре. Пора заняться письмом. Елизавета расправила лист бумаги и начала писать.

«Мадам,

я только что получила Ваше письмо из Лохлеvena, но еще до его прибытия пришло известие о Вашем освобождении и долгожданном побеге. Остается воздать хвалу Богу, услышавшему Ваши молитвы. Я радуюсь Вашей свободе и тому обстоятельству, что подданные, которые стремятся ограничить свободу своего истинного монарха, не пользуются небесной благосклонностью. Остается лишь пожалеть, что Ваша любовь к тому, кто оказался недостойным ее, заставила Вас забыть о Вашей чести и положении и привела к утрате столь многих друзей.

Я, как Ваша родственница и королева, приложу все усилия, чтобы Вы вернулись на трон, но лишь в том случае, если Вы придете ко мне, а не отправитесь во Францию с целью привлечь французов на шотландскую землю. Не пытайтесь втайне заигрывать с ними в надежде на мое неведение: те, кто натягивает на лук две тетивы, могут стрелять дальше, но их выстрелы редко достигают цели.

Ваша верная родственница и сестра королева Елизавета».

Ну вот. Было ли предупреждение достаточно весомым? Французская нога – или ботфорты, которые они так любят, – не должна ступить на землю Шотландии. С другой стороны, лорды вряд ли покорно отступятся от своего. В Шотландии начнется очередная гражданская война.

Елизавета поежилась. Гражданская война в Шотландии. Гражданская война во Франции. Теперь призрак гражданской войны замаячил в Нидерландах, когда голландцы восстали против Испании.

«Я пойду на все ради того, чтобы предотвратить гражданскую войну здесь, в Англии, – подумала она. – Я буду предпринимать ложные маневры, обещать, угрожать и увивать, идти на жертвы и компромиссы. Здесь не должно быть гражданской войны. Если потомки смогут сказать обо мне лишь то, что «во время ее правления в Англии царили мир и спокойствие», этого будет достаточно для меня».

Теперь она могла выйти на улицу и подышать свежим воздухом. Она всегда испытывала странное беспокойство, когда имела дело с королевой Шотландии, как будто что-то ускользало от ее внимания. Сейчас с неприятным делом покончено... до поры до времени.

Когда Елизавета собиралась встать и направиться к выходу, раздался настойчивый стук. Это был гонец с двумя письмами, подписанными одной и той же рукой. С извиняющимся видом он вручил ей оба послания.

Королева взяла их. Одно оказалось пухлым, другое тонким. Сначала она вскрыла пухлый конверт. Наружу выпало кольцо в форме руки, державшей алмазное сердечко. Оно должно было соединяться с другим кольцом.

Письмо пришло от королевы Шотландии. Она написала его из Дандреннана. Елизавета опустила на стул и внимательно прочитала его. Потом она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

Мария просит убежища в Англии! Она сошлась в битве с войсками регента в окрестностях Глазго и потерпела сокрушительное поражение. Теперь она бежит от врагов и просит свою родственницу Елизавету дать ей убежище, ссылаясь на кольцо с алмазом и обещание помощи.

Елизавета повернула кольцо и еще раз посмотрела на него. Она даже не помнила, как посылала его. Если это случилось на самом деле, кольцо было лишь подарком, который не следовало воспринимать всерьез, таким же, как портреты, миниатюры и другие безделушки, коими регулярно обмениваются особы королевской крови. Неужели... неужели Мария действительно верила в его силу? Нет. Никто не может быть настолько наивным. Королева Шотландии всего лишь разыгрывает хитроумную комбинацию.

Она не может приехать сюда. Это немыслимо! Однако... если она прибудет во Францию, это будет плохо для Англии. Она обратится к своим французским родственникам и убедит их присоединиться к беспорядкам в Шотландии. Испания... нет, это невозможно. О Господи! Лучше иметь ее... где?

Елизавета вскрыла второе письмо, пробежала его глазами и почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

Мария уже в Англии! Эта женщина даже не стала ждать ответа и сразу же приняла решение, на свой надменный манер. «Она даже не вспомнила обо мне и о том, в каком неловком положении я окажусь, – сердито подумала Елизавета. – Как она посмела?» Негодуя на себя за то, что она испытывает лишь гнев, а не сочувствие, королева совладала со своими чувствами и медленно перечитала письмо.

«...Обманутые коварством неприятеля, мои люди атаковали в полном беспорядке, поэтому, несмотря на двукратное численное преимущество, оказались в ловушке и волей Божьей потерпели поражение, а многие попали в плен или были убиты. Враги же преградили мне путь в Дамбертон; они со всех сторон выставили караулы, чтобы убить или пленить меня.

Но Бог в Своей бесконечной милости уберег меня от зла, и я спаслась вместе с лордом Хэррисом, который отправился в Ваше королевство вместе с другими джентльменами. Я уверена, что, услышав о жестокости моих врагов и о том, как они обращались со мною, согласно Вашему доброму расположению и моей вере в Вас, Вы не только обеспечите мою безопасность, но также окажете помощь и содействие в моем справедливом деле, и я попрошу других королей и монархов поступить равным образом.

Прошу Вас встретиться со мной как можно скорее, ибо я нахожусь в прискорбном состоянии не только для королевы, но и для обычной женщины. Когда я совершила побег, то не имела ничего, кроме того, что было на мне, и проскакала шестьдесят миль в первый же день, а далее не осмеливалась продвигаться, кроме как по ночам. Если Вы соизволите проявить сочувствие ко мне и к моему бедственному состоянию, о котором я более не смею упоминать, то я постараюсь не докучать Вам. Молю Бога, чтобы Он даровал Вам крепкое здоровье и долголетие, а мне – терпение и утешение, которое надеюсь получить от Вас.

Ваша преданная и любящая сестра, родственница и освобожденная пленница королева Мария».

Где она сейчас? Елизавета видела, что письмо пришло из Уоркингтона, прибрежного городка в окрестностях Карлайла. Должно быть, Мария приплыла на небольшом судне. Внезапно она представила это: растрепанную королеву и растерянных придворных, не знающих, куда им податься... Мария походила на обнаженного человека, который выбегает из горящего дома прямо в сугроб, чтобы замерзнуть там. Должно быть, она обезумела, либо мужество и хитроумие наконец оставили ее. У каждого есть свой предел, о чем хорошо знают изобретатели дыбы и «железной девы». Мария так долго жила в кошмаре, что это, должно быть, свело ее с ума.

«Я должна послать за ней, – подумала Елизавета. – Да, должна. Одно лишь милосердие требует этого. Я не стану умножать ее страдания».

Но разумеется, сначала нужно сообщить эту необыкновенную новость членам Тайного совета. Они должны быть в курсе событий.

Члены Тайного совета вовсе не обрадовались мысли провести в четырех стенах этот чудесный майский день. Иногда в окно залетала пчела, растерянно жужжала, но в конце концов на ощупь находила путь на волю. Советники завидовали пчелам. Им приходилось сидеть в парадном облачении так долго, как требовала их госпожа и королева. Сегодня она выглядела взволнованной.

– Мои дорогие советники, – начала она и покосилась на Сесила. – На нашей северной границе произошло важное событие, которое может повлечь еще более значимые последствия. Не буду держать вас в неведении: королева Шотландии бежала в Англию. – Она выждала паузу и убедилась, что все правильно поняли ее. – Уже сейчас она находится в Карлайле под опекой заместителя городского коменданта сэра Ричарда Лоутера. Она отдается на нашу милость и хочет прибыть к нам.

Люди переглядывались, как будто каждый ожидал, что его сосед более осведомлен в происходящем, чем он сам. Лишь Сесил, главный советник королевы, с самого начала бесстрастно смотрел прямо перед собой.

– Она ожидает ответа, – продолжала Елизавета. – Должна ли я принять ее?

– Почему она хочет явиться сюда? – спросил Роберт Дадли.

– По ее словам, она хочет все объяснить, чтобы я убедилась в справедливости ее притязаний и помогла ей вернуться на трон.

– А к чему склоняется ваше величество? – поинтересовался Сесил и погладил свою раздвоенную бородавку.

– К тому, что мне следует послать за ней, – ответила Елизавета. – Несчастливая леди находится в отчаянном положении.

– А! – только и сказал он.

Елизавета посмотрела на герцога Норфолкского:

– А что скажете вы как первый среди пэров и главный землевладелец в Англии?

Герцог, тридцатилетний ветеран трех брачных кампаний, выглядел немного растерянным.

– Я бы сказал... думаю, вы должны тщательно изучить ее, прежде чем допустить в свое присутствие. Не смотрите на нее прямо; пусть кто-нибудь другой сделает это. Я слышал, что она обладает силой зачаровывать других людей и подчинять их своей воле.

Елизавета рассмеялась:

– Значит, мы должны выбрать жертву, отправить ее на север и посмотреть, что с ней станет? Возможно, этому несчастному придется идти задом наперед и держать перед собой зеркало, чтобы видеть ее! Не хотите ли попробовать?

– Н-нет, ваше величество. – Он тяжело сглотнул, и его кадык заходил вверх-вниз.

– Если я пошлю за ней, где мы ее разместим? – спросила Елизавета. – Следует ли подготовить дворец для нее?

– Нет, ваше величество, – отрезал Роберт Дадли. – Такой жест будет слишком щедрым. Кроме того, это будет скрытое признание, что вы считаете ее своей наследницей.

– О! Тогда, может быть, стоит подготовить ей апартаменты в одном из моих собственных дворцов?

– Не нужно этого делать! – произнес сэр Фрэнсис Ноллис, двоюродный дядя королевы и глава протестантской партии. – Ее не следует допускать в ваше августейшее присутствие до тех пор, пока она... не покажет себя достойной этого. Я имею в виду, что она должна быть оправдана в преступлениях, заставивших ее бежать из собственной страны, и суд над ней не должен быть таким откровенным фарсом, как слушание обвинений, выдвинутых против графа Босуэлла. Тот суд был позорным извращением закона, которое лишь подтвердило его вину. – Лицо говорившего раскраснелось от гнева и отвращения.

– Я вынужден возразить, – сказал граф Сассекский, шурин герцога Норфолкского, известный своей склонностью к католической фракции. – Наша милостивая королева – не судья. Она сама говорила, что не желает открывать окна в человеческие души.

Молодой Кристофер Хаттон, повернув миловидное лицо к королеве, почтительно произнес:

– Я сам видел королеву Шотландии, когда имел честь представлять ваше величество на церемонии крещения в Эдинбурге. Я готов подтвердить, что она благороднейшее существо и к ней нужно относиться с честью и уважением. Давайте не будем показывать себя такими же свирепыми негодьями, как ее лорды в Шотландии. Мы *англичане* и гордимся собой, нашими законами, правосудием и обходительностью.

Елизавета вздохнула:

– Ах, не знаю, что и делать. Мое сердце взывает к милосердию, но советники предостерегают меня и просят опасаться ядовитой змеи.

– Полагаю, будет лучше временно задержать ее, пока вы предпринимаете необходимые меры для ее безопасности, – наконец заговорил Сесил. – Мы знаем, что теперь для нее не осталось безопасных мест. Отправиться во Францию и снова заявить о своих притязаниях на *ваш* трон, как она однажды сделала, будет в высшей мере неразумно для нее. Сходным обра-

зом Испания может возобновить свои претензии. И наконец, мы знаем, что, если она сейчас вернется в Шотландию, ее немедленно казнят. Единственный способ нормально вернуться в Шотландию – которая является единственным *подобающим* местом для нее, – заключить некую договоренность с лордами. Возможно, вы согласитесь признать малолетнего короля в обмен на разрешение для нее править от его имени, пока он не достигнет совершеннолетия? Но для организации таких переговоров нужно время. – Он вскинул руки в притворно-беспомощном жесте.

– Да... – Елизавета на мгновение задумалась. – Возможно, вам, Ноллис, придется отправиться в Карлайл в качестве моего представителя. Насколько я понимаю, граф Нортумберлендский уже поспешил к ней и попытался увезти ее в свой фамильный замок Олнвик. У них с Лоутером дело едва не дошло до драки. Католики со всех сторон стекаются к ней и выказывают ей всевозможное почтение... Жители этого города всегда тяготели к старинным традициям и старой религии. Да, Ноллис, вы отправитесь к ней, к моей дражайшей сестре, и сообщите ей, что я не могу принять ее в нынешнем состоянии.

Ноллис выглядел расстроенным:

– Но... но разве я не могу сообщить ей ничего, кроме этого? И должен ли я потом разрешить ей отправиться туда, куда она захочет?

– Разумеется, нет!

– Но если мы не можем принять ее и нам нечего предложить, то ей придется искать свою удачу где-то еще.

– Мы можем кое-что предложить ей, – сказал Сесил. – Мы будем выступать в роли посредников и настаивать на том, чтобы мятежные лорды оправдались перед нами. Если они не смогут представить убедительных доказательств того, что их действия вызваны необходимостью, то мы восстановим королеву Марию в ее правах. – Он важно кивнул, словно в подтверждение своих слов.

– А если они представят доказательства? – настаивал Ноллис.

– Тогда мы найдем какой-нибудь способ, позволяющий им остаться у власти при условии, что королева Мария сможет вернуться в Шотландию без угрозы для ее жизни.

– Вашей задачей будет убедить королеву Марию в том, что независимо от развития событий она вернется в Шотландию и ее безопасность будет гарантирована, – сказала Елизавета.

– Довольствуется ли она этими заверениями или будет стремиться к большему? – спросил Уолсингем, угрюмый молодой человек, который был доверенным помощником Сесила. – Возможно, она только рада покинуть Шотландию и выйти на более широкую сцену, где сможет играть действительно важную роль.

– Сомневаюсь, что у нее есть такие честолюбивые намерения; скорее всего, они развеялись после взрыва в Кирк-о-Филде, – медленно проговорила Елизавета.

– Высокие устремления умирают нелегко, – настаивал Уолсингем. – Вскоре Шотландия может показаться ей кошмаром, к которому она не захочет возвращаться, в то время как Англия – наиболее подходящее место для удовлетворения ее appetitov.

– Так или иначе, мы не должны доводить ее до отчаяния. Ноллис, вы утешите ее и заверите в нашем любящем участии. Мой единственный интерес состоит в том, чтобы уладить разногласия между нею и ее подданными.

– Когда я должен ехать? – спросил Ноллис, примирившийся со своей участью.

– Как можно скорее, – отозвалась Елизавета. – Завтра. И не забудьте прихватить зеркальце.

После того как советники вышли из комнаты, Сесил благоразумно задержался. Как единственный член Тайного совета, уже знавший о прибытии Марии, он имел время для

подготовки меморандума по этому вопросу. Его меморандумы, в которых он каждый раз рассматривал доводы за и против в упорядоченной форме, были широко известны. Теперь он достал из-за пазухи лист бумаги.

– Ах, дорогой Сесил, я ждала этого. – Елизавета взяла документ. – Как долго вы трудились над ним?

– Всю ночь, ваше величество. Должен признаться, это дело глубоко тревожит меня.

– Похоже, ваш Уолсингем опасается худшего.

– Он... бдительный человек, ваше величество.

– О, Сесил, что мне делать?! – воскликнула она. – Я никогда не оказывалась в таком затруднительном положении!

Сесил невольно улыбнулся:

– Вы не раз оказывались в худшем положении, когда на кону стояла ваша жизнь. И вы всегда поступали дальновидно и благоразумно; не сомневаюсь, что вы и сейчас поступите так же. Но помните, что вы имеете дело с человеком, который един в двух лицах. Есть Мария, помазанная королева, отстраненная от власти и подвергнутая гонениям, которая сейчас не знает, где приклонить голову. Эта женщина потеряла мужа и сына, свой трон и свою страну. Как и вы, она человек из плоти и крови, который дрожит от холода и страдает от голода. Она пробуждает жалость. Другая Мария – это политическая креатура, орудие католической церкви, которое может быть каким угодно – даже деревянным с зеленой кровью, если оно может служить их символом. Эта женщина – ваш смертельный враг. Она внушает страх и уважение. Относиться к одной с жалостью и добротой, а к другой с опаской и осторожностью, когда обе уживаются в одном теле, – чрезвычайно трудная задача.

– Почему она отправилась сюда?! – воскликнула Елизавета.

– Вы должны быть благодарны за то, что она сейчас не во Франции, – настаивал Сесил. – Вы можете воспользоваться этим обстоятельством в своих целях.

– Ох, оставьте меня, – устало произнесла Елизавета. – Дайте мне изучить ваши доводы.

После его ухода она развернула документ и начала изучать его. Страница была исписана аккуратным почерком Сесила.

*Pro Regina Scotorum*⁵

Она добровольно явилась в Англию, доверившись обещанию помощи от королевы Елизаветы.

Она была незаконно осуждена, ибо подданные схватили ее, заточили в тюрьму, обвинили в убийстве ее мужа и не дали ей возможности лично ответить на обвинения или выступить в свою защиту в парламенте, который осудил ее.

Она королева, не подвластная никому и не обязанная по закону отвечать перед своими подданными.

Она предлагает оправдать себя в присутствии Елизаветы.

Con Regina Scotorum

Она способствовала убийству своего мужа, которого сделала публичной фигурой, равной ей по своему положению. Таким образом, ее подданные были обязаны найти и покарать преступника.

Она защищала Босуэлла, главного убийцу, и поддерживала его замыслы.

Она обеспечила его оправдание с помощью юридических уловок.

Она способствовала его разводу с законной женой.

⁵ «За королеву Шотландии» и (ниже) «Против королевы Шотландии» (лат.) (примеч. пер.).

Она притворилась, что Босуэлл насильно овладел ею, а потом вышла замуж за него и упрочила его власть до такой степени, что никто из вельмож не осмеливался перечить ей.

Босуэлл насильно удерживал ее, однако, когда ее дворяне пришли ей на помощь, она отказалась отречься от него и способствовала его бегству.

Судя по всему, ее величество, королева Елизавета не может помочь ей, допустить ее в свое присутствие, вернуть ее на трон или позволить ей покинуть Англию до суда над нею.

Значит, будет суд. Другого выхода не остается. Елизавете казалось, что мир в ее стране, так тщательно взращиваемый в течение десяти лет, теперь находится под угрозой. Королева Шотландии пришла, чтобы посеять раздор в ее владениях.

IV

Мария подождала, пока Мэри Сетон наконец не заснула, а потом встала и подошла к окну. Она стояла, мечтательно глядя на пологие холмы и лощины вокруг замка. «Странно, что мне так не хотелось приезжать сюда, – подумала она. – Я противилась отъезду из Карлайла и даже заявила, что им придется связать меня и увезти насильно. Все сразу же перепуталось. Елизавета вела себя странно; она заставила лорда Хэрриса ждать две недели, прежде чем приняла его в своих покоях, и запретила лорду Флемингу отплыть во Францию. Она прислала мне безобразную поношенную одежду, хотя Ноллис пытался сделать вид, будто одежда предназначена для моей прислуги. Она отказалась встретиться со мной, пока меня не освободят от подозрений в причастности к убийству, как будто я могу осквернить ее, если это произойдет раньше. Но потом я начала понимать, что если она собирается вернуть меня на престол, то ей нужно выглядеть беспристрастной и выступать в роли третейского судьи, иначе лорды не станут договариваться с ней. Как она умна! Она заставила лорда Джеймса согласиться на судебное слушание».

Теплый ветерок, напоенный ароматом жимолости, легкими порывами влетал в окно. Замок Болтон, расположенный в пятидесяти милях дальше от границы с Шотландией, чем Карлайл, в середине июля стал ее домом. Он стоял на гряде холмов в западной части Йоркшира. Елизавета сообщила, что Марии нужно переехать туда, чтобы находиться поближе к ней. Но королева Англии по-прежнему оставалась на расстоянии двухсот миль от нее. Какой в этом смысл?

Сам Болтон имел живописный вид: высокий замок, состоявший из четырех башен, соединенных куртинами в виде квадрата с пустым центром. В середине находился мощный внутренний двор с мощно укрепленными воротами и караульной будкой. Четыре комнаты Марии располагались на верхнем, третьем, этаже замка. Интересной особенностью Болтона была система дымоходов, проложенных в стенах, которые равномерно распределяли тепло от каминов, хотя летом это не имело большого значения. Но зимой... правда, к зиме они должны уехать отсюда. У нее не будет возможности сравнить это отопление с изразцовыми комнатными печами в Фонтенбло, которые она помнила с детства.

Мария высунулась из окна и глубоко вздохнула. Она чувствовала себя совершенно здоровой и отдохнувшей, и ее настроение поднималось с каждым днем. Она с нетерпением ожидала судебного заседания, чтобы наконец сказать правду перед людьми, которые не являлись шотландцами, но чье решение будет непререкаемым для шотландских лордов.

Она на цыпочках вернулась в комнату. Ей выделили просторные апартаменты, хотя пришлось позаимствовать мебель из всех соседних покоев, чтобы как следует обставить их. Даже небольшая спальня была достаточно просторной, чтобы отгородить часть комнаты складной ширмой; Мэри Сетон спала в другом конце комнаты. Ей и большой группе других слуг и сторонников позволили сопровождать ее, а леди Дуглас прислала вещи, оставленные Марией во время бегства. Она даже написала любезную сопроводительную записку. Что ж, леди Дуглас, как бывшая любовница короля, была хорошо знакома с превратностями судьбы. Она потеряла свою пленницу, но ее сын Дуглас мог получить в жены особу королевской крови, если удача улыбнется ему. Мария знала, что она думает об этом. Она отдавала должное выдержке пожилой дамы; даже проигрывая, опытный игрок всегда может рассчитывать на благоприятный исход событий.

Убедившись, что Мэри Сетон спит и она не потревожит ее, Мария тихо прошла в соседнюю гостиную, зажгла свечу на письменном столе и взяла книжку с пустыми страницами, полученную в подарок от семьи Карвен. Возможность писать о чем угодно и когда угодно показалась ей таким приятным новшеством, что это превратилось для нее в ежеднев-

ное занятие. Раньше ее никогда не окружали исключительно друзья; здесь все разделяли ее изгнание, заплатив большую для себя цену, и они не станут использовать против нее все, о чем она напишет.

Раньше Мария сочиняла стихи и мнила себя талантливой поэтессой – по крайней мере Брантом говорил об этом. Опыренная любовью к Босуэллу, она писала ему стихи; не слишком хорошие, так как у нее не было времени думать о метафорах, аллегориях и даже об оригинальных рифмах. Но раньше она никогда не писала эссе или бытовые очерки. Все ее письма, кроме любовных, были политическими.

Мария раскрыла дневник. Последняя запись датировалась 3 августа 1568 года.

«Здесьние места – их называют Уэнслидейлом – очень мирные и зеленые и сильно отличаются от Шотландии. Мы находимся в центре страны, далеко от моря, и в здесьнем воздухе нет соли. Это одно из тех мест, где человек может провести всю жизнь, не опасаясь вторжения. Вокруг пасутся стада, и молочницы утром и вечером проходят по тропинкам с ведрами в руках.

Теперь я больше привыкла к замку; лорд Скроуп, мой новый «хозяин», прилагает все силы к тому, чтобы я оставалась довольна. Леди Скроуп поджидает меня и шепчет мне на ухо о многочисленных достоинствах своего брата, герцога Норфолкского. Но он уже трижды был женат! Разумеется, они могут сказать то же самое про меня. Странно, что это всегда звучит хуже, когда речь идет о другом человеке. Если слышишь «У него было три жены», то первая мысль, которая приходит в голову: «Я не хочу стать четвертой!» Она намекает – разумеется, очень деликатно, – что герцог отчаянно нуждается в супруге и, если я рассмотрю этот вариант, Елизавета останется довольна.

Но если Елизавета останется довольна, зачем говорить об этом шепотом?»

Теперь она открыла чистую страницу и написала:

«20 августа 1568 года.

Так много перемен за три недели! Мне стало гораздо спокойнее. Я пишу Елизавете, и она отвечает. Лорды согласились прибыть на судебное слушание. Итак, скоро я брошу обвинения в лицо лорду Джеймсу и Мортону, с его жуткой рыжей бородой, и Мейтленду... Я громко и ясно скажу всему миру, кто они такие. Я расскажу о сговоре в Крейгмиллере, когда они предложили избавиться от Дарнли. О, наконец-то я смогу объявить об этом! Сколько еще темных тайн мне придется раскрыть!

Думаю, это Сесил предостерег Елизавету от желания более открыто встать на мою сторону. Французский и испанский послы в Лондоне держат меня в курсе событий. Теперь мне известно больше, чем я когда-либо знала в Шотландии. Здесь нет лорда Джеймса, который перехватывал мою корреспонденцию. Но все же в Карлайле было лучше. Замок Болтон занимает такое уединенное положение, что никто не приезжает сюда. Он похож на тайное убежище посреди цветущей долины.

Семья Скроупа всегда симпатизировала католикам. Они принимали участие в «Благодатном паломничестве»⁶ против Генриха VIII тридцать лет назад и дорого заплатили за это. На моем этаже находится красивая часовня, которую первый лорд Скроуп построил как поминальную молельню, где монахи могли возносить молитвы за упокой души Ричарда II. Увы, здесь больше нет монахов, поэтому его душа, наверное, до сих пор пребывает в чистилище. Но я сама хожу туда молиться, и никто не запрещает мне этого делать.

⁶ «Благодатное паломничество» – крупное восстание против Генриха VIII в Северной Англии из-за его разрыва с католической церковью и секуляризации католических монастырей и земель (примеч. пер.).

Я слышала, что многие местные семьи сочувственно относятся к старой вере; в конце концов, прошло лишь десять лет с тех пор, как Англия была католической страной. Воспоминания живут долго. Знатные роды Северной Англии, в том числе графы Нортумберлендский и Уэстморлендский, почти открыто называют себя католиками. Нортумберленд объявил себя моим сторонником и прислал мне некоторые принадлежности для религиозных обрядов, и, хотя герцог Норфолкский официально считается протестантом, его жена католичка, а сын склоняется к католицизму. Здесь я нахожусь среди друзей, и некоторые осмеливаются заявлять об этом более открыто, чем другие. Граф Нортумберлендский заверил меня, что при необходимости сможет привлечь других пэров на мою сторону.

Меня далеко не так строго охраняют, как если бы я находилась в руках лорда Джеймса. Здесь есть гарнизон, расквартированный в юго-восточной башне, но мои комнаты на западной стороне выходят в чистое поле. Я нахожусь на высоте пятидесяти футов, но могла бы бежать, спустившись по веревке, если бы имела лошадей. Однако если я попытаюсь бежать, это будет выглядеть так, словно я боюсь предстоящего суда. Нет, здесь я более сильна, хотя кажусь беспомощной и даже не имею собственной лошади. Я должна ждать, и это самое трудное для меня, так как противоречит моей натуре, в чем мы сходны с Босуэллом. Мы оба подвергаемся суровому испытанию.

Я слышала, что Босуэлл добился аудиенции у короля Фредерика на Новый год, но его так и не отпустили. Он предложил уступить Норвегии право на Шетландские и Оркнейские острова в обмен на свободу, но это возымело обратное действие: Фредерик преисполнился решимости держать его под стражей и торговаться с лордами насчет островов. Лорд Джеймс заявил, что в Шотландии Босуэлл является осужденным преступником и его следует выдать. Фредерик сослался на то, что перевозка важного и хитроумного заключенного потребует целой эскадры судов, которой он, увы, в настоящее время не располагает. Лорд Джеймс предложил прислать в Данию палача для удобства Фредерика. Должно быть, понимая, с каким подлецом он имеет дело, король отклонил это «любезное» предложение. Итак, Босуэлл в безопасности, и, судя по всему, удобно размещен в губернаторской крепости в Мальмё. Почему он не сбежал оттуда? Мне нужно более подробно узнать об условиях его содержания. Должно быть, его строго охраняют... но получил ли он хотя бы одно из моих писем? Сама мысль о том, что это не так, невыносима мне.

Когда я вернусь на трон – о да, тогда Фредерик освободит его и вернет домой на королевском флагмане, с репарациями и извинениями за столь неподобающее обращение. Тогда прошлое станет дурным сном, и вечером мы посмеемся над нашими невзгодами и вспомним о том, как справлялись с ними... Лохлебен и Берген, Карлайл и Копенгаген, Болтон и Мальмё. Разумеется, он знает моих тюремщиков, лэрда Лохлебена и леди Дуглас, но он не знаком с сэром Фрэнсисом Ноллисом, вице-камергером Елизаветы. Это обходительный и многострадальный джентльмен. Он нежно любит свою королеву, и думаю, не только потому, что его жена происходит из семьи Анны Болейн и таким образом связана с ней родственными узами. Он любит королеву так, как я никогда не видела раньше, ни во Франции, ни в Шотландии. Он обожает и глубоко чтит ее, что выглядит странно, поскольку он гораздо старше ее. Я пыталась заставить его шутить насчет нее, но, хотя он рассказывает много забавных историй о ней, он никогда не отпускает шуток на ее счет. О, это очень трудно объяснить... язвительный юмор без шуток.

Лорд Скруп: такой чинный и пухлый, словно фаршированный каплун. Его шея особенно толстая и круглая, так что, когда он поворачивает голову, ему приходится двигать плечами. Тем не менее он тоже любезен. Я нахожусь в обществе приятных людей в приятном месте по сравнению с животными, которые называют себя людьми и прячутся в своих замках на продуваемых ветрами утесах в Шотландии».

«Слишком много прилагательных, – подумала она, перечитав последнее предложение. – Но Шотландия как будто требует множества прилагательных, так что пусть все останется как есть».

* * *

«8 сентября 1568 года.

Рождество Блаженной Девы Марии. Я встала рано и помолилась в часовне. Мне не разрешают иметь священника. Когда я попросила об этом, мне ответили: «Теперь в Англии нет католических священников». Какое наказание они навлекают на себя подобными словами! Вместо этого Ноллис привел реформистского проповедника, который попытался обратить меня в свою веру. Он ежедневно «наставляет» меня в англиканском вероисповедании, чем доставляет удовольствие Ноллису. Я делаю вид, что готова порадовать его. Но потом я открываю молитвенник, беру четки и молю Деву Марию простить меня.

О Норфолке все чаще говорят как о претенденте на мою руку. Меня заверяют, что многие могущественные люди при дворе благосклонно относятся к такому браку – к примеру, Роберт Дадли, графы Арундел и Пемброк, а также Николас Трокмортон, мой старый знакомец и английский посол. Видимо, они считают, что так он сможет играть роль нового «хозяина», выбранного англичанами, чтобы держать меня на коротком поводке. (Это напоминает предыдущее предложение Елизаветы заключить брак с ее дорогим Дадли. Он по-прежнему не женат, но она явно не хочет повторять свое предложение.) Они полагают, что таким образом меня можно будет держать в резерве для наследования престола.

Почему никто не вспоминает, что я уже замужем? И они еще говорят, будто у меня короткая память? Уже ходили разговоры о том, чтобы выдать меня замуж за Филиппа Испанского, Джорджа Дугласа или Гамильтона, недавно овдовевшего в третий раз. О, какими же старыми мы становимся! А сегодня – я едва не лопнула от смеха – почтенный Фрэнсис Ноллис предложил кандидатуру своего родственника Джорджа Кэрри. Если они в самом деле считают меня убийцей, то их цинизм и честолюбие постыдны и достойны всяческого осуждения. Даже Макиавелли покраснел бы от такого двуличия!»

* * *

«29 сентября 1568 года. День Святого Михаила и всех Ангелов.

О! Я с трудом могу держать перо и еле дождалась темноты, чтобы остаться наедине с собой. За обедом мне хотелось крикнуть Ноллису в лицо: «Вы с самого начала знали об этом!»

Мне не позволят присутствовать на судебном слушании. Я вынуждена говорить через своих представителей. Но как они смогут говорить моими собственными словами? Они – это не я. Я надеялась, что наконец смогу встретиться с предателями лицом к лицу, но нет: это им разрешат лично присутствовать в зале. И кому – лорду Джеймсу, Мортону, Мейтленду и главному «праведнику», лорду Линдсею! Однако я останусь здесь, в сорока милях от Йорка, где состоится судебное заседание.

Самой Елизаветы там тоже не будет. Она пришлет герцога Норфолкского, сэра Ральфа Сэдлера (моего врага с колыбели!) и графа Сассекского, своего камергера, который ненавидит Шотландию больше всех остальных. Насколько мне известно, он рассказывал Елизавете, что дед учил его никогда не доверять шотландцам или французам. Из этих троих только Норфолк не считает меня злодейкой.

Теперь я должна найти представителей, которые будут говорить от моего лица, как будто кто-то и впрямь может это сделать.

Но хуже всего, что Елизавета разрешила лордам представить «Письма из ларца» как свидетельство на суде, а мне до сих пор даже не предоставили возможности увидеть их! Не имею представления, что это такое. Письма и стихи, которые я писала Босуэллу? Может быть, они были переписаны и перекроены по их усмотрению? Или это обычные фальшивки? Как мне ответить на них, если я даже не знаю, о чем там говорится?

Я узнаю собственные слова, даже переписанные другой рукой и переведенные на другой язык. Несомненно, слова, вырванные из контекста (или, хуже того, помещенные в новый контекст), выставят меня в дурном свете. Однако я не убивала Дарнли. Многие другие принимали участие в этом и пытались обвинить Босуэлла после убийства – плакаты, брошенная бочка и лицедеи, изображавшие его в ту ночь на улицах Эдинбурга. Сами лорды сделали это – те самые люди, которые теперь готовы представить эти письма.

О Господи, меня предали!»

* * *

Люди начали собираться в зале заседаний в Йорке; по странному совпадению, это был зал, обставленный Генрихом VIII для приема Якова V, когда они собирались встретиться в 1547 году. Король Шотландии уклонился от встречи из опасения попасть в плен. Теперь здесь решалась участь его пленной дочери.

Люди рассаживались на длинных скамьях, шелестели бумагами и старались выглядеть суровыми и сосредоточенными. Но вскоре на лицах появились улыбки: многие были знакомы и рады видеть друг друга.

– Сэдлер! Как поживает ваша дочь, которая собиралась выйти замуж за священника? – спросил лорд Джеймс. Сэдлер давно принимал участие в делах Шотландии.

– Спасибо, хорошо. А как ваша дражайшая супруга? О, лорд Бойд!

Последовала оживленная дискуссия о процедуре заседания и о том, что можно будет рассматривать в качестве свидетельств. Представители Марии предложили «жалобную книгу» для стороны лорда Джеймса. Он возразил на том основании, что собирается предоставить собственные улики. Он достал серебряный ларец и почтительно поставил на стол, но отказался открыть крышку и лишь заметил, что Мортон расскажет, как ларец оказался у них. Все взоры были прикованы к загадочному ларцу.

Поздно вечером члены английской делегации с удивлением услышали стук в дверь. Это оказался Мейтленд, который тихо поинтересовался, не желают ли они ознакомиться с «Письмами из ларца» – разумеется, неофициально. Все согласилось, и Мортон представил копии документов. Люди склонились над ними при свете свечи, читая и изумленно цокая языками.

– Жуткое дело, – пробормотал Норфолк. – Жуткое и отвратительное!

Он с жадностью продолжил чтение.

Днем, в перерыве между дискуссией о законности регентства лорда Джеймса и наследственных правах Гамильтонов, которые оно нарушало, Мейтленд потянул Норфолка за рукав и предложил ему прогуляться. Наступила золотая осень, и солнце ярко сияло в небе.

– Йоркшир очень живописен в это время года, – сказал Мейтленд. Он надеялся, что Норфолк согласится на прогулку верхом. Кроме того, он рассчитывал, что герцог прислушается к его предложению.

Мейтленд понимал, что пора представить «Письма из ларца» в надлежащем свете, и собирался сделать это как можно деликатнее, не называя лордов из своего ближнего круга отъявленными лжецами, которыми они являлись на самом деле. Он слишком хорошо узнал их за последние два года, и эти находки печалили его.

«Хотя я считал, что прошел закалку человеческими слабостями, теперь я понимаю, что был гораздо большим идеалистом, чем мне казалось, – думал он. – Лорды нарушили все свои обещания перед королевой и в моральном отношении показали себя хуже ее, независимо от ее плотских грехов. Разве сам Иисус не относился к таким грехам более снисходительно, чем к гордыне и алчности?»

– Да, в это время он выглядит особенно дружелюбно, – согласился герцог Норфолкский. Судя по всему, ему тоже хотелось погулять на свежем воздухе.

Они выехали за высокую городскую стену и направили лошадей вдоль берега Уза, решив заодно устроить соколиную охоту. Погода для такого случая выдалась идеальной. Они выпустили птиц, почти не заботясь о добыче и любуясь соколами, парившими высоко над головой.

– Должно быть, птицам трудно подолгу оставаться на своих насестах, – заметил Мейтленд, искоса наблюдая за герцогом, но тот никак не показал, что понимает скрытый смысл его слов. Видимо, его не зря считали лишь немногим умнее крестьянского быка.

– Да, их трудно дрессировать, – ответил он, причмокивая толстыми губами.

– Подумайте, насколько тяжело приходится беркуту, попавшему в силки. Для него разлука с небом еще горше.

– К счастью, их немного, и только королям позволено охотиться с беркутами. Все остальные, даже герцоги, довольствуются соколами или ястребами. Даже мне приходится это делать, хотя мои владения обширнее некоторых королевств. – Он кивнул с важным видом. – Знаете, мои угодья составляют более шестисот квадратных миль, и иногда я больше чувствую себя королем, чем настоящий монарх.

Соколы поднялись так высоко, что казались черными точками в ярко-голубом небе. Листья деревьев на берегу реки шелестели на ветру, словно писцы, перебирающие бумаги.

– Пожалуй, вы можете... – Нет, это будет слишком откровенно. – Дорогой Норфолк, как величайший из английских пэров, вы, несомненно, размышляете о будущем страны, где ваши предки пользовались таким огромным влиянием. – Мейтленд деликатно кашлянул. – У меня самого давно было видение об Англии и Шотландии, которые в один прекрасный день должны объединиться. Не силою меча, как делали тираны в былые времена, но мирными средствами. Совершенно ясно, что такой союз находится в интересах обоих королевств.

– Объединенное королевство от Дувра до Шетландских островов... да, это будет сильная держава, – согласился герцог.

– Иначе мы не можем надеяться на великое будущее. Скажу откровенно: теперь, когда огнестрельное оружие сделало длинный лук безнадежно устаревшим, мы находимся в крайне невыгодном положении перед Францией, более обширной и густонаселенной. Мы слишком уязвимы. Моя мечта – видеть нас такими сильными, как только возможно.

Мимо них прошли двое охотников, чьи собаки с шумом расплескивали воду впереди. Охотники сняли фуражки и почтительно поклонились Мейтленду и герцогу.

Герцог смотрел в сторону. Он явно не хотел брать наживку.

– Позвольте мне снова высказаться откровенно, – настаивал Мейтленд. – Если вы женитесь на королеве Шотландии, все неудобные вопросы будут сняты.

– Какие неудобные вопросы?

– Вопросы престолонаследия. Как известно, королева Елизавета не желает выходить замуж, а королева Мария явно не может править Шотландией самостоятельно. – Мейтленд сделал многозначительную паузу. – Могу ли я быть совершенно искренним? Королева Ели-

завета вряд ли оставит наследника; ей уже тридцать пять лет, и она не выказывает супружеских устремлений. Ее ближайшей наследницей из числа протестантов была Катерина Грей, но она недавно умерла. Англичане не потерпят королеву-католичку, будь то Мария Стюарт или кто-либо еще. Но если она выйдет замуж за английского протестанта, они останутся довольны; в конечном счете это нейтрализует ее католическую веру. Вы понимаете?

– Д-да, – пробормотал герцог.

– Ее сын Яков – не католик, поэтому он может стать наследником престола. С другой стороны, то же самое относится к детям, которых вы можете иметь с ней. Лорды Конгрегации больше не позволят ей править в Шотландии, да это и невозможно. Ее правление превратилось в череду заговоров и мятежей, и если она освободится, то снова пошлет за Босуэллом, а лорды не потерпят этого. Зато под вашей опекой...

– Но она убийца! – возразил Норфолк. – Я не хочу жить с убийцей!

– Откуда вы знаете, что она убийца?

– Из этих писем! Там полно грязных, отвратительных подробностей. А в вашем обвинительном акте, который подготовил Бьюкенен, ясно сказано, что она осквернила себя связью с Босуэллом. Нет, я никогда не прикаснусь к такой женщине!

– Ах, эти письма! – Мейтленд рассмеялся. – Лорд Мортон клянется, что они были обнаружены именно так, как он говорит, но мы не знаем, что именно он обнаружил. У него в запасе имелся целый год для подготовки содержимого ларца. Достоверность этих писем находится под таким же вопросом, как честность Мортонна.

Герцог закусил губу.

– Его честность весьма сомнительна.

– Это еще мягко сказано. Я знаю, что во дворце хранились и другие письма, которые Мортон не счел нужным показать нам в то время. Скорее всего, это были любовные письма от женщины из семьи Трондсен.

– Кто это такая?

«Неужели Норфолк ничего не знает?» – подумал Мейтленд.

– Норвежская любовница Босуэлла. После того как он бросил ее, она прибегла к тому, что делают все отвергнутые любовницы: отомстила ему.

– Как? Заразила его сифилисом?

Боже, как он глуп!

– Разумеется, нет, – терпеливо ответил Мейтленд. – В таком случае ее радость омрачил бы сам факт болезни. Нет, это судьба позволила ей совершить возмездие. Сначала западный ветер отнес Босуэлла к побережью Норвегии, а потом обстоятельства сложились таким образом, что он был вынужден предстать перед судом Эрика Розенкранца, вице-короля Норвегии в Бергене, чтобы получить разрешение продолжить свой путь. Но Эрик оказался двоюродным братом Анны Трондсен, и, когда судья поинтересовался, есть ли у кого-либо претензии к Босуэллу, она выступила с обвинениями, которых он меньше всего ожидал в тот момент. Это лишило его возможности обрести свободу.

– Боже мой! – Норфолк выглядел потрясенным.

– Слушание показаний Анны отложило его отъезд на достаточно долгое время, чтобы к нему возникли другие вопросы. Его отправили в Данию для дальнейшего расследования. Сейчас он находится в крепости Мальмё и надеется на милость короля Фредерика.

– Так вот почему Босуэлл попал в тюрьму! Вот как они добрались до него!

– Судьба, Норфолк, судьба. Былые грехи преследовали его, и он не смог спастись от них. Анна обвинила его в Скандинавии, но оказала невольную услугу шотландским лордам. Босуэлл хранил ее письма как раз для такого случая, в качестве доказательства ее требовательности и бурного темперамента, если когда-либо возникнут вопросы о причинах его

обращения к ней. Но они попали в руки его врагов – Мортон и остальных. Дальнейшее нетрудно предсказать.

– Ясно.

– Помните, что «Письма из ларца» неоднократно копировались. Те, которые вы видели, не являются оригиналами. Туда легко было вставить несколько фраз от Анны Трондсен, плюс собственные идеи Мортон.

Мейтленд перевел дух. Он не был до конца уверен, что так и случилось на самом деле, но все указывало на это. Стиль писем, представленных лордами, оказался слишком разным даже в соседних абзацах, а некоторые чувства и выражения были совершенно несовместимы с тем, что Мейтленд знал о характере королевы. Она была страстной и порывистой, иногда буйной и сердитой, но никогда не унижалась, не выглядела мелочной и плаксивой.

Норфолк выглядел сильно озадаченным:

– Но...

– И даже если королева причастна к убийству, она имела веские основания для этого, – продолжал Мейтленд. – Она полюбила лорда Дарнли и осыпала его почестями, но он отплатил ей супружеской неверностью и публичным пьянством. Ни одна сильная духом женщина не стала бы терпеть этого. Можете ли вы представить королеву Елизавету в таком положении?

– Разумеется, нет, – со смехом ответил герцог.

– Подумайте об этом, Норфолк. Подумайте об услуге, которую вы можете оказать обоим королевствам, о душевном спокойствии вашей собственной королевы и долгожданной свободе для другой королевы! Кроме того, она наконец сможет обрести мужа, достойного трона.

* * *

После обычного полдника, прежде чем позвать Сесила, Елизавета провела некоторое время за чтением римской истории. Чтение исторических трудов всегда успокаивало ее и напоминало, что лучший способ вершить современную историю – знать о прошлых событиях и тщательно продумывать свои действия.

Он вытянула ноги перед камином с ароматными вишневыми дровами, ярко и беззвучно пылавшими перед ней, и снова погрузилась в чтение. Потом она неохотно отложила книгу и вызвала Сесила.

Он явился сразу же и с натянутой улыбкой предложил ей подарок:

– Это на Новый год, ваше величество.

– Ах да. Год Господа нашего, 1569-й. Можно открыть? Мне нужно что-нибудь для поднятия настроения. Боюсь, сейчас я не в духе.

– Вас можно понять. Это не официальный подарок, который я вручу на придворной церемонии, а кое-что для вашего личного использования. – Сесил похлопал по обертке: – Надеюсь, вы останетесь довольны.

– Что ж, спасибо. – Она развернула подарок и обнаружила длинный футляр с прикрепленным конвертом. – Вы сочинили стихи, – с радостным удивлением добавила она.

– Поскольку так делают все придворные, я решил, что стоит попробовать.

Елизавета пробежала взглядом строки:

– Совсем неплохо. Думаю, вы становитесь только моложе с возрастом. Лишь молодые люди понимают стихи. А теперь... – Она открыла длинный футляр. – Что это? Ах! – Она достала ажурный веер изысканной работы. Его лопасти украшали резные арабески, а шелковую основу – чередующиеся розы и лилии; нижняя половина веера состояла из тонкого кружева. – О, Сесил! – Она была искренне тронута.

– Я знаю, что вы любите вееры и страдаете от духоты.

Елизавета рассмеялась:

– Но, Сесил, на дворе декабрь!

– Нам нужно смотреть в будущее.

– Ваша правда, – согласилась королева, и ее улыбка померкла. – До меня дошли слухи об Уэстморленде и Нортумберленде. Я пригласила их на слушание, чтобы посмотреть, не выдадут ли они свои намерения.

– Какие слухи?

– О том, что они вступили в сговор с королевой Шотландии... хотя не уверена, с какой целью. Боюсь, речь идет о чем-то большем, нежели ее побег. Как известно, на севере придерживаются старых обычаев; люди там очень замкнутые и скрытные. Знатные семьи в Нортумберленде и Уэстморленде ведут себя как старинные монархи в своих владениях. Молюсь о том, чтобы это не привело к измене. Значит, королева Шотландии соблазняет их?

– Ваше величество, мы с Ноллисом предупреждали, что она представляет угрозу. Ноллис даже сказал, что будет невозможно удержать ее, и она сама заявила, что если ее не освободят, то она будет вправе воспользоваться любыми средствами для своего освобождения. Она рассчитывала, что после судебного слушания вы вернете ее на трон, поэтому терпеливо дожидалась результата. Но вы этого не сделаете, не так ли? Давайте говорить откровенно.

– Постучите по шпалерам, Сесил, и проверьте окна, – сказала Елизавета. Когда он начал вставать, она подняла руку и остановила его: – Нет, не надо. Даже если вы никого не найдете, нас все равно могут подслушать. Я не буду заранее оглашать свой вердикт, но могу сказать, что дела пошли не так, как я предполагала. Эта встреча ничего не решила. Леннокс по-прежнему взывает к мести, словно надоедливый попугай. Ноллис просит освободить его от тяжелой обязанности, как и лорд Скруп. Пошли слухи, что герцог Норфолкский заигрывает с двумя северными графами. Лорд Джеймс опасается утратить власть над Шотландией из-за долгого отсутствия.

– Что же вы предлагаете?

– Я с большой неохотой пришла к выводу, что мы должны найти для Марии более... постоянное убежище. Ее нужно оградить от опасности.

– Для нее или для вас?

– Для нас обеих, – с нежной улыбкой ответила Елизавета. – Ее нужно вывезти с севера. Болтон находится слишком близко к Нортумберленду и Уэстморленду. Все эти предварительные договоренности составлялись в спешке и нуждаются в улучшении. Мне нужно найти кого-то, кто примет ее... на более долгое время. Кого-то, достаточно богатого для выбора жилья, где ее можно будет разместить с королевскими удобствами. Кого-то, кто живет достаточно далеко от Лондона и от Северной Англии. Семейного человека, стойкого к ее... соблазнам – я едва не сказала, к ее чарам! Человека протестантской веры, не склонного к старой религии и не питающего ложных надежд на ее возвращение. Ах, где бы мне найти такого лорда?

– Вы выдвигаете много условий, но, несомненно, такого человека можно найти. – Сесил внимательно посмотрел на нее: – Пожалуйста, ваше величество, вы не могли бы сказать мне... Как ваш первый министр, который должен знать ваши намерения, чтобы исполнить их, прошу вас, скажите, каковы ваши истинные чувства по отношению к королеве Шотландии?

Елизавета думала так долго, что Сесил уже не надеялся получить ответ.

– Не знаю, – тихо проговорила она. – На самом деле это зависит от ее поведения, начиная с сегодняшнего дня. Я не могу вынести окончательное суждение о том, что произошло до сих пор. Свидетельства слишком запутанны и противоречивы и большей частью исходят от ее врагов. Но теперь она может начать с чистого листа. Она может выбрать лояльность

и благоразумие, и тогда со временем... что ж, время многое лечит. Время может стать ее лучшим другом. Наверное, сейчас оно является ее лучшим другом. Но если она обратится к ложным друзьям, таким, как Филипп и английские изменники, это будет ее выбор.

* * *

Десятого января 1569 года Елизавета дала оценку судебным слушаниям. Сесил встал и потребовал, чтобы все остальные сделали то же самое, пока он будет читать.

– «Поскольку до сих пор против регента и его правительства не было выдвинуто никаких свидетельств, которые могли бы причинить ущерб их чести и союзническим намерениям, а с другой стороны, не было представлено достаточных доказательств против своего монарха, королева Англии принимает решение не предпринимать враждебных шагов против своей доброй сестры с учетом того, что она совершила до сих пор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.